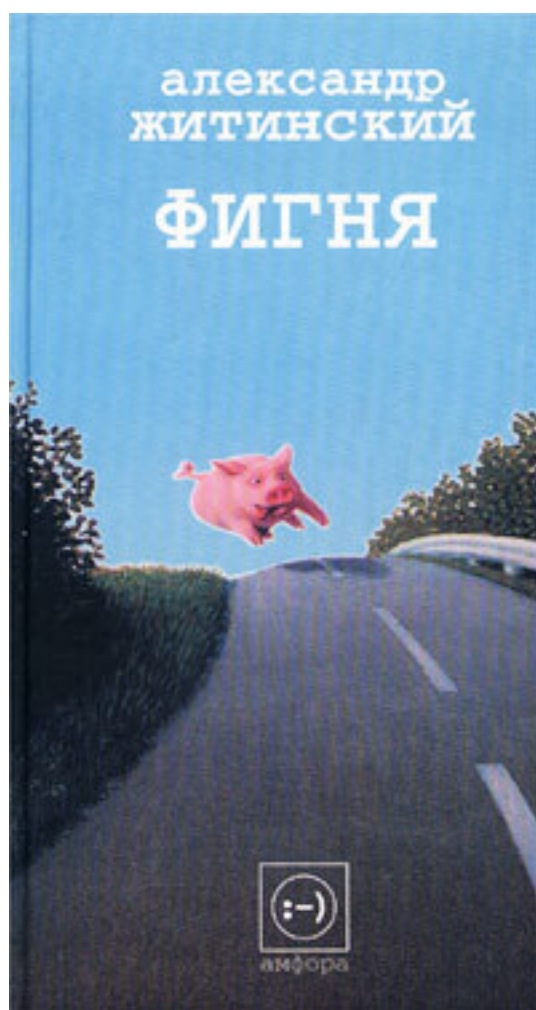

александр
ЖИТИНСКИЙ

ФИГНЯ

Александр Житинский

Фигня

«Геликон Плюс»

1997

Житинский А. Н.

Фигня / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1997

Роман-буфф известного петербургского писателя – это комический детектив, изобилующий парадоксальными и смешными ситуациями, с авантурным сюжетом и симпатичными в своем идиотизме героями.

© Житинский А. Н., 1997

© Геликон Плюс, 1997

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 12	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Житинский

Фигня

Кинороман-буфф

*Над страной фигня летала
Неизвестного металла.
Очень много в наши дни
Неопознанной фигни.*

Часть 1

Агенты Интерпола

Глава 1

Шифровки

Шифровальный отдел Большого дома работал в три смены. Самой напряженной всегда считалась ночная, потому как секретные документы обычно передаются по ночам, под покровом темноты, когда зашифрованным текстам сподручнее преодолевать пространства планеты. Последние годы ввиду непрерывных сокращений и переименований КГБ опытные шифровальщицы покинули место работы, – одни ушли в коммерческие структуры, другие – на пенсию, где продолжали по инерции разгадывать ребусы и кроссворды, поэтому в ту ночь, когда началась наша история, в отделе бодрствовали лишь молоденькая шифровальщица Тонечка и старая гримза Зинаида Евгеньевна, которая получала шифровки еще от Рихарда Зорге.

Зинаида Евгеньевна только что приняла телегу на двенадцати листах от японского резидента и привычно, не заглядывая в гроссбух дешифратора, переписывала сообщение русским текстом на бумагу. Компьютеров Зинаида Евгеньевна не признавала.

– Вот чурка! – комментировала она информацию японского резидента. – Пишет, что премьер-министр замешан в махинациях. Об этом в газетах позавчера писали.

– А у меня – из Парагвая, – отозвалась Тонечка. – Очень интересно, только многое непонятно.

– Что там интересного может быть – Парагвае-то? – проворчала Зинаида Евгеньевна.

– Вот послушайте. «Генералу Карамышеву. Известная вам персона по кличке Яшка Тунгус формирует кабинет министров. В него уже вошли проходившие по разным делам Витя Бакс, Кенгуру, Жид Захар и Мурик. Посты силовых министров пока вакантны. Считаю необходимым приступить к ликвидации банды... Ортега Гонзалес».

– Он такой же Ортега, как я Майкл Джексон, – прокомментировала Зинаида Евгеньевна. – Петя Курашов его зовут, в Парагвае уже лет двадцать ошивается. Синекура. Скорее всего, придумал все от начала до конца. Он Парагваю этому вшивому все время цену набивает. Ликвидация банды! Да кто ж ему денег даст на ликвидацию?

– И все же непонятно, – вздохнула Тонечка, – почему этот Тунгус формирует кабинет? Там что – нет кабинета?

– А вот это уже – не нашего ума дело, – строго сказала Зинаида Евгеньевна. – Наверху разберутся.

Некоторое время работали молча, переводя значки и цифры в осмысленный текст. Как вдруг Зинаида Евгеньевна рассмеялась:

– Тонечка, посмотри! Ну просто за людей уже не считают!

Тоня оторвалась от своего компьютера, подошла к коллеге и заглянула ей через плечо. На столе лежала шифровка, начинавшаяся словами: «РНБДПЧДММН РДИПДСМН!». И далее несколько рядов букв такой же абракадабры.

– Знаешь шифр? – строго спросила Зинаида Евгеньевна.

– Не-ет... – пролепетала Тонечка.

– Плохо. Двойка. Это Интерпол нас на вшивость проверяет. Шифр элементарнейший. Пользовались им русские разведчики в первую мировую войну. Даю три секунды на расшифровку. Раз, два...

– Ой, погодите!.. Нет, не могу... – Тонечка чуть не плакала.

– Три! – торжествующе провозгласила Зинаида Евгеньевна. – Эти слова означают «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Каждая буква заменяется следующей за ней буквой русского алфавита. Такие вещи знать надо, радость моя... – проворковала довольная гримза. – Уйду я – как будете работать?

– Ну и что там написано? – смущенно поинтересовалась Тонечка.

– «В ответ на ваш запрос сообщаем о готовности Интерпола принять на стажировку двух сотрудников российских служб безопасности для отработки приемов борьбы с международной организованной преступностью. Заведующий международным отделом Интерпола Ферри О'Нейл», – Зинаида Евгеньевна читала шифровку, как обычную газету.

– Здорово! – восхитилась Тонечка.

– Ничего здорового не вижу, – сухо проговорила Зинаида Евгеньевна. – В Интерполе думают, что у нас совсем специалистов не осталось. Такие шифры гонят! Ничего, я им исходящее зашифрую «сигмой плюс». Они там попрыгают!

«Сигма плюс» был новейший шифр, в котором буквы зашифровывались сложной формулой, включающей дату и астрономическое время написания текста, так что для правильной расшифровки требовалось угадать, когда был составлен текст.

Тонечка вернулась к своему месту и принялась за очередной документ.

Шифр был непростой, но, повозившись минут пятнадцать, она записала в компьютер следующую расшифровку телеграммы:

«Международный форум боди-реслинга приглашает представителя России для участия. Заявку просим прислать в оргкомитет до 15 июня с. г.»

– Зинаида Евгеньевна, а что такое боди-реслинг? – робко спросила Тонечка.

– Я думаю, это туризм, – не отрываясь от документа, ответила Зинаида Евгеньевна.

Тонечка не знала, что такое туризм, но переспрашивать побоялась. Поразмыслив еще секунд десять, она написала адрес телеграммы: «Комитет по культуре».

Глава 2

Последнее задание

Жрать в доме было нечего.

Позавчера мать продала за доллар последнюю мельхиоровую вилку и тут же пропила его со своим сожителем Семеном, одноногим ветераном Корейской войны.

Правда, Семен утверждал, что ногу ему оторвало во Вьетнаме, но как он мог там оказаться? Во Вьетнаме наши, как известно, не воевали. Не воевали они и в Корее, но это официально. Негласно же Семен летал на северокорейском самолете стрелком-радистом и лично сбил одну «летающую крепость». Обмен американской «летающей крепости» на оторванную ногу плюс медаль «За отвагу», которую Семен тоже давно пропил, был вполне выгоден. И сам Семен так считал. Корею же перепутал со Вьетнамом по давности лет и благодаря хроническому алкоголизму.

Да и мудрено ли перепутать две столь отдаленные страны, населенные весьма похожими существами?

Семен, пропивая вилку, все удивлялся: «Знать бы во Вьетнаме, что на доллары пить придется, я бы их там мешок насшибал!» Врал, наверное.

Короче говоря, вилок в доме уже не осталось, да они были и не нужны, потому как есть ими было нечего. Ольга нашла в дальнем углу кухонного шкафчика бумажный кулек, в котором чудом сохранилась половинка печенья «Мария», и позавтракала.

Теперь нужно было отправляться на работу. Но на какую? Дело в том, что Ольга Пенкина, корреспондент по профессии, сотрудничала с десятком питерских газет и со всеми неудачно. Это касалось и коротких репортажей, которые она писала, и фотоснимков. Последнее фото, изображавшее Гребенщикова сидящим на корточках в буддийском храме перед заезжим ламой, ей удалось опубликовать месяц назад и получить за него червонец, то есть десять тысяч. С той поры ни фотографии Карла Льюиса, ни описание и изображение митинга протеста против «Игр доброй воли», ни душераздирающие сцены похорон генерального директора АО «Синтезатор» Башмакова, застреленного в своей постели вместе с двумя любовницами, не заинтересовали редакторов. Причиной тому, по всей вероятности, было низкое качество негативов, потому что Ольга за неимением средств снимала допотопным «Любителем», который хотя и выдавал негативы бхб, но никак не мог конкурировать с «Минолтами», «Олимпусами» и «Кодаками».

Ольга мечтала о «Минолте» и старалась заработать на камеру, снимая «Любителем», но это совсем не то же самое, что заработать на «Любитель», снимая «Минолтой».

Ольга спрятала «Любитель» в сумку и направилась в «Северный курьер» – новую газету с криминальным уклоном (то есть там рассказывали о криминальных делах, да и издавали ее, похоже, тоже уголовники...).

Главный уголовник, то есть редактор, по прозвищу Тщедушный, потому что он был одновременно тщеславным и душевным мафиози, отчего и взялся издавать газету, не довольствуясь только рэкетом, вернул Ольге три пленки, не пошедшие в дело, и сказал:

– Последнее тебе задание, Пенкина. Ступай в Большой дом и отними брифинг интерполовцев. Я бы послал своих, но они в этот дом идти не желают. Не нравится им эта хаза. А ты все-таки девушка.

Ольга вспомнила, что первоначальное наименование газеты было «Северный бандит», но комитет по печати отказался регистрировать газету с таким названием, и Тщедушный придумал синоним, который, кстати, уже начинал входить в обиход.

«Тридцать пять тысяч одних курьеров» – так называлась статья в «Часе пик» о разгуле организованной преступности.

– Заметано, – сказала Ольга, мысленно сплюнув.

Она даже в разговоре с бандитом старалась выглядеть профессионалкой. Не всегда это удавалось. Родом Ольга была из деревни под Будогощью, образование восемь классов, а фотографировать ее научил один заезжий дачник из Москвы, кажется, художник. Он и подарил Ольге свой «Любитель», одновременно пытаясь склонить к сожительству на колхозном сеновале, но Ольга не далась, хотя ей было тогда семнадцать лет. О чем сожалела до сих пор, поскольку никаких домогательств с тех пор не наблюдалось, – и это было странно, ибо вид Ольги прямо-таки вызывал к сожительству, но разве что на сеновале. Ольга была кровь с молоком, плотно сбита, мордастенькая, шустрая, языкая, с круглыми аппетитными коленками. Одним словом, красotka.

Но бизнесмены и бандиты предпочитали других, похожих на красоток из западных журналов – длинноногих, томных, худющих, раскрашенных, как первомайская демонстрация. Ольга один раз смотрела «Пентхауз» до седьмой страницы – дальше не смогла. С тех пор решила никогда никому не отдаваться, чтобы ненароком не впасть в порнографию. А было ей уже двадцать три. Самое время.

Однако инженеру или служащему что отдаваться? Отдашься – и дальше что? Продавай вилки, если они у него есть, что тоже сомнительно...

Ольга отправилась в Большой дом пешком, благо он был неподалеку от «Курьера». Проходя по улице Пестеля, до сих пор по непонятным причинам не вернувшей себе старое название, она увидела забавную сценку.

К старому дому, где шел капитальный ремонт, подъехал «мерседес», начиненный пятью коротко стриженными молодыми людьми. Одновременно бесшумно опустили все стекла машины, из окон «мерседеса» высунулись пять автоматных стволов вороненой стали – два слева и три справа – и принялись поливать пространство длинными и слегка заунывными очередями. Правые стволы стреляли по пустым окнам ремонтируемого дома, а левые поверх голов прохожих, видимо, просто за компанию.

Прохожие в радиусе ста метров нехотя легли на тротуар и принялись выжидать. В это время из окон обстреливаемого дома высунулось дуло пулемета, который тоже начал издавать громкие отрывистые звуки. В «мерседесе» на глазах стали образовываться аккуратные круглые дырки. Себестоимость предстоящего ремонта автомобиля с каждой секундой увеличивалась на сто долларов.

Ольга тоже улеглась на углу Моховой, не забыв подстелить газету «Пятница» со своей фотографией Гребенщикова, и не спеша извлекла из сумочки «Любитель». Навела на резкость, щелкнула. В ту же секунду один из стволов «мерседеса» сосредоточил огонь по ней.

– Вот говно, для его же газеты стараюсь... – пробормотала Ольга, продолжая съемку.

Автоматчик, видимо, был таким же дилетантом в стрельбе, как Ольга в фотоискусстве. Но патронов израсходовал больше, чем Ольга кадров. Внезапно Ольга заметила лежащего ничком в двух шагах от «мерседеса» молоденького лейтенанта милиции в форме. Время от времени он поднимал голову, и тогда можно было увидеть его голубые, полные непонимания глаза. Пули бодро свистели над ним в обе стороны. Лейтенант абсолютно не интересовал курьеров, хотя был вооружен табельным оружием, торчавшим в кобуре на боку.

Ольга улучила момент, когда он в очередной раз покажет свое простое и доверчивое лицо, – и щелкнула. «Клевый кадр! – мысленно похвалила она себя. – И мент молодец. Храбрый. Другой бы давно обосрался».

Ольга, подобно всем деревенским, не делала различия между нормативной и ненормативной лексикой, поскольку в устном и печатном обиходе грань между ними стерлась еще до переезда Ольги в Питер.

Мерседес наконец, получив десятка три мелких пробоин в своем туловище, умчался на станцию техобслуживания. Из него капала кровь, оставляя на улице Пестеля красную пунк-

тирную полосу. А лейтенант, приободрившись, вскочил на ноги и, выхватив из кобуры пистолет системы Макарова, прыгнул прямо в окно ремонтируемого дома. Именно в то, из которого десять секунд назад торчало дуло пулемета.

«Все. Покойник», – подумала Ольга, зачехляя фотоаппарат и пряча «Пятницу» в сумку. После чего отправилась дальше.

Прохожие с недовольным видом разбредались по своим делам.

Глава 3

Верните табельное оружие

Когда Иван сообразил, что стреляют, первым движением его было – выхватить пистолет, а вторым – упасть на тротуар. Второе движение удалось лучше, и Иван упал рядом с подкатившим «мерседесом», из которого началась пальба. Он прижал щеку к пыльному тротуару, успевая фиксировать события, происходящие в окнах ремонтируемого дома, ибо голова Ивана оказалась повернутой именно туда.

Рабочие в спецовках, только что занимавшиеся мирным ремонтным делом, побросали мастерки, выставили в пустой проем окна первого этажа пулемет и ответили на нападение такой же беспорядочной пальбой.

Иван на мгновение приподнял голову в надежде увидеть автомобиль патрульной милицмейской службы, но заметил вокруг только разбросанные по тротуару тела земляков. Кто из них был жив, кто мертв – поди догадайся.

Несомненно живой была лишь девушка метрах в тридцати от Ивана, которая, лежа на животе, заглядывала сверху в видоискатель «Любителя», невзирая на выстрелы.

Иван снова уронил голову на тротуар и принялся напряженно размышлять, как не ронять достоинства.

Вскочить на ноги и дать предупредительный выстрел в воздух? Так требовал Устав, но не обстоятельства. Во-первых, в бешеной обоюдной пальбе одинокий предупредительный выстрел милиционера наверняка прозвучит неубедительно, во-вторых, Иван вряд ли успеет произвести следующий выстрел – на поражение, поскольку будет скошен очередями.

Стрелять из положения лежа? Но в кого? Чью сторону он должен принять? И допустимо ли лейтенанту УВД принимать чью-нибудь сторону в разборке двух бандформирований?

В том, что происходит разборка, сомневаться не приходилось. Молодые люди в «мерседесе» сомнений не вызывали, и строительные рабочие с пулеметом на месте работы тоже выглядели подозрительно.

Главное, Иван опаздывал. Перестрелка сильно его задерживала и срывала все планы. И еще было жаль пачкать форму – новенькую, ненадеванную.

Он еще раз приподнял голову и успел заметить, что проклятая девка с фотоаппаратом нажала на спуск.

«Компромат...» – подумал Иван, роняя голову на другую щеку.

Теперь он мог полюбоваться молодцами в «мерседесе». Все были как на подбор – с круглыми стриженными головами и квадратными подбородками. Но стрелять явно не умели. «Калашниковы» тряслись у них в руках, как больные Паркинсона. Один из бандитов уже уронил голову на плечо другому и матерился сквозь зубы. Видно, его пробил пулей.

«Мерседес», исчерпав аргументы, умчался, лишив Ивана возможности выбирать. Преступники остались лишь в доме, поэтому Иван, вскочив на ноги и выхватив пистолет, прыгнул в опустевшее окно. Уже на подоконнике он вспомнил о предупредительном выстреле, выпалил вверх, попал в перекрытие, из которого вывалился кусок бетона и рухнул ему на плечо.

Но Иван этого даже не заметил. Он ринулся внутрь захламленного лабиринта комнат, лестниц и перекрытий.

Он выскочил на лестничную площадку и побежал влево, откуда слышался топот ног.

– Стой! – крикнул Иван, и эхо гулко разнесло его голос по этажам.

Вдалеке мелькнула убегающая фигура. Иван повернул туда, вбежал в пустой проем двери, и тут ему на голову упал черный просмоленный рулон рубероида.

Лейтенант покачнулся, на мгновение потерял ориентировку и был тут же схвачен двумя злоумышленниками в комбинезонах, выскочившими неведь откуда. Один был громила высо-

ченного роста, другой, напротив, складный худощавый человек лет тридцати пяти. Что поразило Ивана – так это его предельно интеллигентное лицо с тонкими, прямо-таки аристократическими чертами.

В мгновение ока лейтенанта повалили на пол лицом вниз, пистолет выхватили, руки заломили за спину. В довершение всего бандиты ловко запеленали Ивана в тот же рулон рубероида, который на него свалился, так что из рулона выглядывали лишь голова и ботинки Ивана.

– Не смей, сволочи! – хрипел Иван.

– Помалкивай, служивый, – отозвался Горилла.

– Нигде не давит? – участливо поинтересовался Интеллигент, когда работа по упаковке Ивана была окончена.

– Нет, спасибо, – автоматически ответил вежливостью на вежливость Иван.

Тут он просто последовал совету преподавателя школы милиции по курсу «Милицейский этикет», который неоднократно говорил, что на вежливость нужно отвечать вежливостью автоматически.

Откуда-то появился хорошо одетый человек с кудрявой черной бородкой и кейсом в руке. По виду главарь. Ему передали пистолет Ивана, он поставил его на предохранитель, спрятал в кейс.

– Зачем суешься не в свои дела, дурила? – ласково обратился он к Ивану.

– Отдайте пистолет! – потребовал Иван, извиваясь в рубероиде.

– Самим пригодится... – пробормотал Горилла.

– Мужики, я на брифинг опаздываю, – сказал Иван уже довольно мирно.

– Слышь, Федор, на брифинг опаздывает, – улыбнулся Главарь, обращаясь к Горилле.

– Хуифинг, – сказал Горилла.

– Не выражаться на работе! – прикрикнул на него Главарь.

– А что за брифинг, господин лейтенант? – поинтересовался Интеллигент.

– Не могу сказать. Служебная тайна, – ответил Иван. – Пистолет-то верните, не будьте скотами. Меня в загранку не пустят за утерю табельного оружия.

– Может, отдадим, Александр Маркович? У господина лейтенанта загранка накрывается медным тазом, – сказал Интеллигент.

– Я же сказал, Максим. Не выражаться, – устало проговорил Главарь. – Попользуемся и отдадим! – громко, как глухому, прокричал он Ивану, склонившись к рулону.

Он повернулся и не спеша пошел к выходу. Максим и Федор последовали за ним.

– Только не палите из него почем зря! Мне за патроны отчитываться! – крикнул им вдогонку Иван.

Шаги бандитов стихли.

Иван попробовал перемещаться, отталкиваясь носками ботинок от пола. Получалось плохо. Тогда он, напружинив тело, резко выгнулся. Рулон подпрыгнул, переместившись сантиметров на тридцать. Иван выгнулся еще раз, еще...

Рулон, прыгая, как лягушка, приблизился к лестничному пролету и с шумом скатился со ступенек, разматывая Ивана. Лейтенант поднялся на ноги, горестно осмотрел мундир, перепачканный смолой и грязью, застегнул пустую кобуру и отправился на брифинг.

Глава 4

Напарники

В пресс-центре бывшего Управления КГБ, а ныне Управления Федеральной службы безопасности готовились к пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. Такие пресс-конференции были еще в новинку для бывалых сотрудников КГБ, привыкших, что буквально все сведения касательно деятельности этого учреждения составляют государственную тайну, но и они мирились с веяниями времени. Хотя не любили эти веяния. Тайно работать проще.

Особенно же не любили журналистов – это наглое и продажное племя, которое в былые годы рассыпалось перед чекистами в комплиментах, а теперь не уставало поливать грязью. Потому пропускной режим на пресс-конференциях был особенно жесток.

Фотокорреспондент Ольга Пенкина хорошо это знала, поэтому запаслась удостоверением молодежного агентства «НИКА», а не одиозного «Курьера». «НИКА» расшифровывалась как Независимое информационно-коммерческое агентство, печатало новости и рекламу, но больше всего – скандальную хронику. В «НИКЕ» работал приятель Ольги вечный тусовщик Миша Зуйков, он-то и исхлопотал удостоверение.

Однако на прапорщика в дверях здания удостоверение «НИКИ» не произвело никакого впечатления.

– Вас нет в списке, – заявил он.

– Вызовите генерала! – сказала Ольга.

– А может, сразу министра? – предложил прапорщик.

– Та-ак... – Ольга отступила на шаг, выхватила «Любитель» жестом, которым обычно выхватывают гранату, и нацелилась на прапорщика. – Цепной пес демократии! – выкрикнула она.

Прапорщик блаженно улыбался. Он уже был цепным псом коммунистов, сейчас служил демократам, а в перспективе готов был до пенсии сидеть на цепи у либералов или неофашистов.

Но девушка ему нравилась. Была в его вкусе.

– Фотку подаришь – пушу... – неожиданно улыбнулся он.

– Чью? Вашу? – не поняла она.

– Свою...

Ольга пошла за фотографией.

А в это время в комнате за сценой конференц-зала ждали четвертого участника пресс-конференции, которым был лейтенант милиции Иван Середа, выпутывающийся из рубероида в пустом доме на улице Пестеля.

Ожидавших было трое – генерал госбезопасности Глеб Карамышев, продвинувшийся за три года на это звание со звездочек капитана. За каждый удачно подавленный путч он получал сразу две новых звезды. Поэтому звезд у Глеба было много, а лет по-прежнему мало, не более тридцати пяти.

Вторым был капитан госбезопасности Вадим Богоявленский, высокого роста, стройный и подтянутый, напоминавший чем-то белогвардейского офицера. Между прочим, бывший друг, одноклассник и однокашник Карамышева. Вадиму не так повезло с путчами, поэтому звезд на погонах у него осталось четыре – и все маленькие. Очевидно, неудачи карьеры объяснялись ненадежной фамилией Богоявленский, от которой за версту разило церковным духом. Внешность и манеры капитана также были излишне изысканными для КГБ. Потому, когда случался путч, его держали в запасе или на мелких поручениях, а на передовую, к телецентру, крушить боевиков оппозиции, посылали Карамышева.

И наконец, в комнате находился полковник милиции Редькин, давно перешедший границу пенсионного возраста, но сохраняемый в кадрах ввиду тяжелой криминогенной обстановки, а также за былые заслуги по организации похорон Сталина.

– Где же ваш человек, полковник? – нервно взглянув на часы, спросил Карамышев. – Пора начинать.

«Заткнись, сопля несчастная», – подумал полковник, но вслух сказал:

– Не могу знать, товарищ генерал. Исправный офицер.

– Не иначе раскрывает преступление, – иронически проговорил Карамышев, но Редькин иронии не понял.

– Если так, молодец, товарищ генерал!

– Глеб, кончай волокиту. Начнем без мента, – по старой памяти, как к равному, обратился Богоявленский к Карамышеву.

Он не учел присутствие постороннего, и не просто постороннего, а представителя курирующего ведомства. Карамышев приосанился и громко крикнул:

– Встать! Как вы обращаетесь к старшим по званию, капитан?!

С испугу вскочил полковник Редькин, капитан же продолжал сидеть.

Редькин, видя, что вопрос направлен не ему, смущенно плюхнулся в кресло, а Вадим, напротив, нехотя встал.

– Смирно! – еще громче закричал Карамышев.

Богоявленский принял стойку, которую с некоторой натяжкой можно было принять за стойку «смирно».

– Как положено обращаться к старшему по званию, капитан? – грозно повторил генерал.

Капитан не успел ответить, потому что распахнулась дверь, и в комнату ввалился запыхавшийся лейтенант ГУВД Иван Середа.

Было такое впечатление, что Середу вымазали дегтем, а затем вываляли в пыли. Лицо было исцарапано, руки в крови, ботинки серы от пыли.

– Товарищ полковник! – приложил ладонь к козырьку Иван. – Лейтенант Середа явился...

– Не запылится... – ядовито вставил Карамышев.

– Никак нет, товарищ генерал. Запылился. И загрязнился, – сокрушенно проговорил Иван, поворачиваясь к генералу.

Полковник Редькин вскочил с кресла и обежал лейтенанта мелкими шажками:

– Что за вид, Середа? Ты знаешь, куда ты пришел, Иван?!

– Так точно, товарищ полковник! В Северо-Западное управление Федеральной службы безопасности России! – бодро отрапортовал Иван.

– Вот именно. На брифинг, – вставил генерал. – Знаешь, что такое брифинг?

– Так точно! Вчера узнал. От немецкого слова Brief, что означает «письма». Писание писем!

Карамышев вытаращил глаза, но опровергнуть информацию не решился, поскольку немецким владел в пределах курсов повышения квалификации офицеров КГБ. Зато Вадим Богоявленский презрительно бросил:

– Чепуха!

Но расшифровывать слово не стал. Этот щекотливый вопрос проехали, и Карамышев приказал Вадиму и Ивану переодеться для брифинга, ибо предстать перед прессой оба должны были в специальной униформе.

Переодеваясь, Иван коротко рассказывал Редькину о происшествии на улице Пестеля:

– А они как подкатят, да как начнут: пах! пах! А те в ответ: тра-та-та-та! А эти: бабах! Дырки в «мерсе» —во! Кулак пролезет...

– Ну ладно, а ты где был? – спросил Редькин.

- Рядом. Участвовал в задержании.
- Ну и?..
- Задержали... На пятнадцать минут, – сказал Иван.
- И отпустили?! – изумился полковник.
- Как видите, – сказал Иван.
- Так кто кого отпустил? – запутался Редькин.
- Меня отпустили, – признался Иван.
- Тьфу ты! – рассердился полковник. – А я думал...
- Не... Не получилось их взять. Но я всех в лицо запомнил, – сказал Иван. – Не уйдут.

Наконец оба молодых офицера переоделись и предстали перед начальством в том виде, в каком их должны были увидеть журналисты: белоснежные блестящие обтягивающие костюмы, нечто среднее между одеждой астронавтов и костюмом любителей подводной охоты, на лицах – маски, как у Фантомаса. Они были бы совершенно одинаковы, если бы не разница в росте и в комплекции.

И тут Карамышев решил их познакомить.

– Вам предстоит работать вместе не один день. Вы должны хорошо узнать друг друга. Пожмите руки, товарищи!

Иван с готовностью протянул свою крепкую ладонь и стиснул узкую аристократическую ладошку Вадима. Тот скривился от боли, даже под маской было заметно.

- Потихе, пожалуйста... Капитан Богоявленский, – произнес он.
 - От души... Лейтенант Середа, – широко улыбнулся Иван.
 - Капитан Богоявленский назначен старшим группы, – сообщил генерал.
- Редькин обиженно засопел.

– Группа-то межведомственная, товарищ генерал... Можно бы и без субординации.

А сам подумал: «Опять органы всех под себя подминают!»

– Приказы не обсуждаются, – сухо отрезал Карамышев. – Прошу на сцену, – он указал обоим Фантомасам – высокому худому и плотному маленькому – на дверь, ведущую в зал.

Глава 5

Брифинг

Зал пресс-центра был заполнен журналистами до отказа. Четверка представителей служб безопасности расселась за столом, где таблички с наименованием должности, звания и фамилии имелись лишь у двух центральных мест, а именно – у мест Карамышева и Редькина. Места российских Фантомасов никаких данных не имели.

Карамышев придвинул к себе микрофон и начал говорить.

– Дамы и господа! Уважаемые товарищи! В соответствии с программой усиления борьбы с организованной преступностью и договоренностью между российскими компетентными органами и Интерполом на длительную стажировку за рубеж отправляются два сотрудника российских служб безопасности. Ранее подобные акции хранились в глубокой тайне, однако политика гласности, проводимая в нашей стране, вносит свои коррективы в работу милиции и службы безопасности. Мы хотим представить вам агентов, вы можете задать им вопросы. Надеюсь, не нужно объяснять, почему они в таком виде. Определенные круги у нас и за рубежом дорого заплатили бы за то, чтобы иметь их фотографии... Прошу вопросы.

Первой подняла руку пожилая иностранная леди, увешанная десятком фотоаппаратов, под тяжестью которых она колебалась, едва не переламываясь в поясице.

– Журнал «Тайм». Соединенные Штаты Америки, – представилась она на плохом русском языке. – Какого рода задание будут выполнять агенты?

– Программа разработана Интерполом и будет сообщена агентам по прибытии на место назначения, – сказал генерал.

– А что это за место? – выкрикнул кто-то.

– Может, адрес вам назвать? – пошутил генерал. – В Европе. Это точно.

Гул разочарования прокатился по залу. Журналисты поняли, что и на этот раз правды им не скажут.

Поднялся неправдоподобно черный негр с белым воротничком.

– Омубу Бусленга, Зимбабве. Намечается ли сотрудничество с африканскими странами? – спросил он.

Генерал и полковник переглянулись. Проблемы африканской преступности пока мало волновали цивилизованные страны.

– Почему же нет... Посотрудничаем... Когда русская мафия до вас доберется, – тоже пошутил полковник, не желая отставать от генерала.

Журналисты что-то застрочили в блокноты.

– Можно ли понимать вас так, что Россия регулирует засылку своих преступников в другие страны? – вскочил с вопросом эстонец из газеты «Ээсти Вээсти».

– Упаси вас Бог! – испугался Редькин, а Карамышев, выхватив микрофон у коллеги, предупредил, что на провокационные вопросы ответов не будет.

Внезапно в дверях зала возник шум. Там пробивалась сквозь охрану Ольга Пенкина с «Любителем» на шее и диктофоном в руках.

Ее пытались не пустить.

– Я требую! – раздался ее возглас.

Журналисты обернулись к дверям.

– Что там такое? – спросил генерал в микрофон.

– Без приглашения, товарищ генерал! – доложил через зал дежурный в дверях.

– Я представляю молодежную прессу! Не имеете права! – билась в дверях Ольга.

Западные журналисты наострили уши. Запахло зажимом гласности и демократии.

– Пропустите, – приказал Карамышев.

Ольга независимо тряхнула мальчишеской прической и прошла по проходу в первый ряд, где уселась рядом с пожилой американкой из журнала «Тайм». И тут же вызывающе протянула руку с диктофоном к сцене.

Снова встала американка, покачиваясь под тяжестью грозди фотоаппаратов.

– Американскую публику интересует вопрос, почему только сейчас Россия вступает в международные контакты по борьбе с преступностью? Разве раньше в этом не было необходимости?

– М-м... – промычал Карамышев. – Железный занавес, мэм... Необходимости и вправду не было.

И тут американка, громохоча фотоаппаратами, все-таки упала. Ее принялись поднимать. Первой бросилась Ольга. Она довольно быстро извлекла пожилую леди из-под груды оптических приборов и спросила на языке, который считала английским:

– Вы не ушиблись?

– Простите, я не говорю по-немецки, – сказала корреспондентка, но потом рассыпалась в благодарностях Ольге и даже выбрала из кучи фотоаппаратов один и повесила Ольге на шею.

– Тебе! – Она ткнула Пенкину пальцем в довольно пухлую грудь.

– Мне?! – ткнула себя в грудь Ольга.

– Да! Да! Он есть тяжелый для мой лет, – сказала американка.

Ольга посмотрела на камеру. Это была «Минолта»! Ольга прижала фотоаппарат к груди, из глаз ее брызнули слезы, она в порыве благодарности расцеловала старую леди, а потом принялась бешено обстреливать из «Минолты» президиум и зал, упиваясь возможностями камеры.

Брифинг продолжался.

– Газета «Московские новости», – поднялся журналист в третьем ряду. – Вопрос к милиции. Каковы масштабы организованной преступности в России?

Редькин шумно вздохнул.

– Ну, какие масштабы... Я бы сказал – отдельные негативные явления.

Ольга возмущенно вскочила с места.

– Ольга Пенкина, агентство «НИКА». Вы говорите – отдельные явления? Я только что своими глазами видела перестрелку двух банд на улице Пестеля! Среда бела дня! А ваш сотрудник, лейтенант, между прочим, валялся на тротуаре и прикидывался мертвым, как божья коровка, поджав лапки!

Иван возмущенно заерзал на стуле, но себя не выдал.

– Ну и... Ваш вопрос? – недовольно спросил Карамышев.

– Меня интересуют имена агентов.

– Этого я не могу вам сообщить.

– А что вообще вы можете сообщить? Где гласность?! – еще более возмутилась Ольга.

– Прошу не мешать проведению брифинга, – теряя терпение, сказал генерал.

– Тогда у меня вопрос к нему, – ткнула она пальцем в Ивана. – Пусть расскажет о себе. Это интересует нашего читателя.

Ольга села, снова выставила вперед руку с диктофоном.

Иван нехотя придвинул к себе микрофон. Однако его предупредил генерал, поставивший микрофон на место.

– Извините, нам нельзя обнародовать голоса агентов, – сказал он. – Возможно опознание по звуку. Спрашивайте, полковник будет транслировать.

– Я уже спросила. Меня интересует возраст, семейное положение, образование... Если оно есть. Все, что сочтет нужным, – сказала Ольга.

Редькин склонил ухо к Ивану, тот принялся шептать что-то полковнику. Редькин напряженно вслушивался и зачем-то загибал пальцы. Потом он отвалился от Ивана и приткнулся к микрофону.

– Мне двадцать пять лет, – заявил полковник. – То есть ему, – поправился он, услышав смех в зале. – Родился в деревне. В какой, сказать не могу. Окончил высшую школу милиции. Не женат.

Это было все, что считал нужным Иван сообщить о себе.

Но Ольге этого было мало.

– Кто ваши любимые литературные герои? – спросила она, чем повергла полковника и лейтенанта в глубочайшее уныние.

Они долго совещались, потом Редькин объявил:

– Том и Джерри!

Глава 6

Сборы в дорогу

Определенно Пенкиной начало везти!

Первым доказательством была американская «Минолта». Вторым – немедленная публикация в «Курьере» на первой полосе фотографии лежащего на тротуаре лейтенанта милиции с торчащими над ним из «мерседеса» стволами автоматов. И наконец, третьим доказательством стало то, что Тщедушный предложил Ольге заграничную командировку!

– Поедешь с ними, – сказал он. – Разведка донесла номер рейса. По дороге постарайся опознать, подружиться...

– На интим не согласна! – гордо заявила Пенкина.

– Ну и дура! Какой интим в самолете? Хотя если постараться... – задумчиво сказал он, видимо, что-то припоминая.

– А дальше? – спросила Ольга.

– Сообщай все, что сможешь узнать. Фиксируй каждое движение. И фотографии. Больше фотографий.

– Денег дадите – будут фотографии, – сказала Ольга.

Тщедушный открыл ящик стола, засунул туда руку и не глядя извлек пачку измятых долларов. Прикинул их на вес.

– Тонны три... Хватит?

– На первое время, – сказала Ольга, поражаясь собственной наглости, ибо самая большая сумма в валюте, которую она когда-либо держала в руках, исчислялась двадцатью дойч-марками.

Мать Ольги, узнав, что дочь собирается за границу, устроила скандал, перешедший в запой с тем же Семеном. Ольга спонсировала запой пятнадцатью долларами, больше не дала. На продукты не пожалела бы, но понимала – пропьют. Купила в дом алюминиевую посуду, ножи и вилки. А себе – новые джинсы и кодаковскую пленку.

Визу сделал «Северный курьер». Лететь предстояло в Париж. Ольга взяла в библиотеке Хемингуэя и быстро прочла, как он там жил в Париже.

Ей понравилось, особенно названия напитков, которые употреблял писатель.

Относительно опознания она особенно не беспокоилась. Надеялась на свой профессиональный взгляд фотографа. Еще уходя с брифинга, заметила, как двигались Фантомасы: высокий слегка расслабленно подволакивал ноги, а коренастый косолапил. И еще была наводка: Том и Джерри. Просмотрела три видеокассеты и купила комикс про кота и мышку. Еще пять долларов.

Волновалась только насчет языков, которым была не обучена. Но знала – в Париже полно русских. Выручат.

Перед отъездом мать слегка протрезвела и пришла к Ольге прощаться.

– Ты вот что, доча... – сказала она, глядя на Ольгу затуманенным влажным взглядом. – Назад не торопись. А лучше всего – оставайся там.

– Как? – ахнула Ольга.

– Выходи замуж. Пора. Французы, говорят, на наших девок падкие.

– Так я ж языка не знаю!

– И не надо. С мужиком ляжешь, никакого языка не потребуется.

– Так это у нас. А они, может, поговорить любят.

– И у нас, и у них в этом деле не до разговоров, – мудро заметила мать.

– А в других делах? – засомневалась Ольга.

– Выучишься. Не дура. Все равно возвращаться тебе будет некуда. Денег нету, я одну комнату продам. Честно говорю.

Ольга всплакнула. Не стала напоминать матери о том, как вытащила ее из деревни два года назад, получила две комнаты в коммуналке как лимитчица, работая на стройке ученицей штукатура, как кормила и поила ее вместе с Семеном... Но качать права не стала. Верила, что эта поездка перевернет ее судьбу и выведет в люди. И не с французом, а саму по себе.

«Сдам ментов бандитам за очень крупную сумму, – подумала она мстительно. – По десять тонн баксов за нос!»

Глава 7

Бриллианты от Зумика

Александр Маркович Вайнзуммер по кличке Зумик был не просто евреем с высшим физико-математическим образованием, а евреем патриотически настроенным. Все уже давно уехали, а Зумик и не помышлял об этом. Он был демократом и реформатором, строил капитализм в России и пытался внедрить основы честного бизнеса, поначалу идя криминальным путем. Но Зумик верил в Россию и надеялся, что она когда-нибудь да сойдет с мрачного уголовного пути на цивилизованную тропинку к светлому капиталистическому будущему.

Пока же Зумик изготавливал фальшивые бриллианты на установке высокого давления в научно-исследовательском институте, где уже много лет числился старшим научным сотрудником, и сплавлял их за рубеж нелегальным путем. Каждый раз боялся, клял себя и своих подручных бандитов, но деваться некуда – на зарплату старшего научного не проживешь и уж подавно капитализм в России не построишь.

Зумик мечтал о капитализме не просто для обеспеченной жизни, а из идейных соображений. Он мечтал утереть нос всем этим Моням-Шмоням, покинувшим истинную родину ради родины исторической. А то и вовсе дунувшим в Штаты за длинным долларом. Зумик представлял себе много раз, как в один прекрасный день он выйдет к микрофону – впрочем, откуда у него микрофон? – и шарахнет на всю планету: «Ну и кто из нас был прав, жидовские морды? Искали где лучше, а оказались в глубокой жопе! Никого в Россию не пустим! Пропадайте в своем вонючем Тель-Авиве!» И выключит микрофон.

Конечно, Зумик боялся не дожить до этого светлого дня, поэтому торопил события. Фальшивые бриллианты ручейком утекали за рубеж, оттуда струилась речка долларов, которые Зумик вкладывал в производство, короче говоря, инвестировал российскую промышленность. И в суммах немалых. До миллиона долларов в месяц. Конечно, это капля в море, размышлял он, но если бы второй такой Зумик, третий Зумик... Сотня-другая Зумиков могла перевернуть Россию вверх дном. Но где они, Зумики? Все пропадают в Израиле, утопая в собственном дерьме. Каждый раз, провожая очередного друга в эту клоаку, Зумик прощался с ним на всю жизнь, вычеркивал из своего прошлого как полного еврейского мудака, не понимающего одной простой вещи: Бог создал Россию для евреев. Ни в одной другой стране им так вольготно не живется, несмотря на все антисемитизмы. Нигде они не стоят в первых рядах прогресса – только в России. Нигде их не делают национальными героями – только здесь. И мучениками тоже. Не без этого. Так ведь оно и почетнее!

И лишь одного уехавшего еврея уважал, мало того – боготворил Зумик за его выдающийся авантюризм и не менее выдающийся талант. Это был его бывший однокашник Яшка, физик по первой специальности и уголовник по всем остальным. Ныне Яшка в основном обитал в Париже, с ним Зумик и имел дело. Привлекало его и то, что Яшка никогда не занимался делом ради голых денег. Всегда имел в виду что-то высшее, зачастую не совсем понятное.

Вот и сейчас, снаряжая в очередную командировку к Яшке своих новых подручных, стажеров-бандитов Максима и Федора, Александр Маркович Вайнзуммер был более всего озабочен новой идеей Яшки, которая приплыла к Зумику в виде сугубо секретного письма и перевернула мировоззрение немолодого уже еврея.

Зумик в очередной раз восхитился Яшкой и стал готовить экспедицию с бриллиантами.

Из соображений конспирации Зумик не выдавал подручным истинное имя партнера, а пользовался псевдонимом.

– Перес поднялся круто. Ворочает большими деньгами... Адрес у него такой: Париж, Елисейские Поля, кабаре «Донья Исидора».

– «О-о Шамз Элизэ!..» – пропел Максим строчку Джо Дассена, засовывая очередной бриллиант в тюбик с ультрамарином.

Максим и Федор были перемазаны в краске, работали с увлечением. Дело происходило в мастерской художника-авангардиста Петра Охты-Мохты, арендованной для этого случая на несколько часов. Пьяный Охта-Мохта – связанный, с кляпом во рту и с повязкой на глазах – валялся в соседней комнате. Водка была арендной платой, остальное – из соображений конспирации.

Зумик вынимал бриллианты из мешочка, секунду любовался и передавал стажерам, которые прятали камешки в свинцовые тюбики с краской: разматывали свинцовую оболочку тюбика с задней стороны, засовывали пинцетом бриллиант в тюбик и снова закатывали. Никаким таможенным рентгеновским лучам не прощупать.

– Александр Маркович, командировки оформили? – спросил гориллоподобный Федор, патологоанатом по первой специальности, кандидат медицинских наук.

– Все в порядке. От Союза художников. Помалюете там немного... на Монмартре. Что-нибудь абстрактное. Сообщите Пересу об интерполовцах...

– Каких интерполовцах? – поинтересовался Максим, в прошлом литературовед.

– Газеты надо читать! – строго заметил Зумик.

– Я читаю, – обиделся Максим.

– Что же ты читаешь? – ядовито поинтересовался Зумик.

– «Литературку», «Коммерсант-дейли»...

– Хуэйли... – добродушно ввернул Федор.

– Я же вас просил, Федор Васильевич. На работе не выражаться, – поморщился Зумик. – А читать надо «Северный курьер». Там сообщение о брифинге интерполовцев. Есть сведения, что они летят в Париж. Надо бы с ними того... Разобраться.

– По-мокрому, Александр Маркович? – спросил Максим.

– По-мокрому, Максим, – вздохнул Зумик, любуясь бриллиантом. – А что делать? Мы гуманисты, но не до такой же степени! Кстати, менту пистолет вернули?

– Тому, с улицы Пестеля? – спросил Федор.

– Ну да. Из рубероида.

– Нет, – мотнул головой Федор. – У нас пистолет.

– Вернуть! – потребовал Зумик. – Наше слово твердое. Обещал – верни.

– Так ведь потребуется... в Париже, – возразил Федор.

Зумик уставился на него изумленным взглядом.

– Ты эту пушку через границу собираешься тащить?! Ну, насмешил! Отдай менту, в Париже для интерполовцев тебе другое оружие подыщут.

– А как их найти? Париж – город большой, – спросил Федор.

– Перес поможет. Он же понимает, что нам всем сладко не будет, если Интерпол и наши снюхаются.

– Александр Маркович, под кого работать? – спросил Максим.

– Под Переса работай.

– Да нет же! В какой манере – на Монмартре?.. Под Кандинского? Под Шагала?

– Это на ваше усмотрение. Только не зарывайтесь. Не дай Бог написать что-нибудь гениальное! Засветитесь на весь мир. Запомните: вы – художники средней руки. Ремесленники. Будете продавать полотна – не заряжайте. У вас другая профессия... – наставлял Зумик стажеров.

– Ну хоть на пиво можно заработать? – жалобно спросил Федор.

– На пиво – пожалуйста! – раздобрился Зумик. – Особенно там не разгуливайтесь. У вас дело серьезное – ментов мочить.

Он перевернул мешочек, потряс его. Мешочек был пуст. Триста семьдесят два бриллианта весом около пяти тысяч каратов сидели в тюбиках новоявленных абстракционистов с Монмартра.

Принесли Охту-Мохту, откачали кофием и долго еще учились держать кисть и палитру, разбавлять краску и наносить уверенные ремесленные мазки на холст.

Охта-Мохта даже в состоянии грогги производил весьма приятное впечатление своим профессионализмом и полной незлобивостью к бандитам, арендовавшим мастерскую на таких зверских условиях.

Зумик в творчестве не участвовал. Он сидел в кресле с калькулятором и перемножал караты на доллары, одновременно размышляя над новой идеей своего друга, которая наконец-то поможет радикально обустроить Россию.

Глава 8

Отеческое напутствие

Полковник Тимофей Петрович Редькин относился к Ивану как к родному сыну. Иван был его выдвигенец. Редькин взял его прямо из ПТУ, узнав, что мальчишка сирота. Потом школа милиции, работа постового, участкового...

И везде, на всех этапах службы, Иван ощущал отеческую поддержку Редькина. Если бы не Тимофей Петрович, не видать бы Ивану заграничной командировки, тем более что были другие претенденты, даже с ограниченным знанием языка попадались. В пределах трех классов. Иван же ни на каком языке – ни буб-бум, зато надежный.

Редькин перед отъездом позвал Ивана в ресторан. Посидеть в неформальной обстановке. Заодно сделать легкий втык за допущенный накануне прокол. Когда сели за столик, Редькин первым делом протянул Ивану сложенную вдвое газету «Северный курьер». На первой полосе под броским заголовком «Будни милиции» Иван увидел свое изображение. Камера проклятой девчонки запечатлела его, когда он приподнял голову и взглянул вокруг. В глазах был ужас, фуражка съехала, лицо перекошено.

– Вот так мы выглядим... – шумно вздохнул Редькин.

– Так ведь стреляли, гады! – плачущим голосом возразил Иван, указывая пальцем на автоматные стволы, торчащие из «мерседеса».

– Кто ж тебя так подловил, Иван?

– Журналистка эта, Ольга Пенкина. Помните на брифинге? Наглая, как танк.

– Эта пигалица? Что она там делала?

– Лежала... неподалеку. Попадется она мне! – стиснул зубы Иван.

Официант подплыл с подносом, на котором среди закусок красовался пузатый графинчик с коньяком. Полковник разлил коньяк по рюмкам.

– С младшими по званию нельзя, но ты мне вроде сына, Иван. Не подкачай там, – говорил Редькин, глядя на него с любовью.

– Тимофей Петрович, я не пью, – несмело сказал Иван.

– Молодец, – одобрил Редькин. – И не куришь?

– Нет.

– И баб... – Редькин наклонился к уху Ивана и улыбаясь прошептал такое слово, что у Ивана округлились глаза, как на фотографии.

– Нет... Не очень, – потупившись, сказал он.

– Не очень! – рассмеялся полковник. – Твое здоровье. Как говорят, всех баб не перетрахашь, но стремиться к этому надо!

Он опрокинул рюмку в рот с автоматизмом, достигнутым годами тренировки, и заел огурцом.

– Может, последний раз в жизни видимся, Иван, – вдруг взгрустнулось полковнику. Глаза его подернулись влагой. – Мафия она – ого-го! У нее лапы длинные... Но и мы не лыком шиты. Верно?

– Так точно, товарищ полковник! – согласился Иван.

– С капитаном из органов не заискивай. Не лебези. Веди себя достойно. Он с гонором, по всему видать... – продолжал наставлять Редькин.

Внезапно на улице за окном раздались выстрелы. Мимо окон ресторана, пригнувшись, пробежал человек с автоматом. Лицо его было наполовину закрыто шарфом.

Посетители ресторана в испуге принялись заползать под столики.

– Опять двадцать пять... – вздохнул Редькин. – Казанская группировка, по звуку слышу.

Он не спеша налил вторую рюмку.

Пуля пробила стекло витрины и впиалась в стену прямо над полковником. Со стены посыпалась штукатурка.

Полковник, крикнув, выпил. Иван загрустил.

– Что пригорюнился, Ваня? – спросил Редькин, кладя руку на плечо лейтенанта.

Посетители ресторана несмело принялись выползать из-под столиков.

– Отстранят меня от задания, – признался Иван.

– Почему? Ты утвержден. Завтра сдашь дела, личное оружие – и лети себе в Париж!

– То-то и оно... – Иван совсем загрустил.

– Не понимаю, – тихо произнес полковник.

– Личное оружие, товарищ полковник... – начал было Иван, но тут у столика вновь возник официант со сложенной белоснежной салфеткой в руке.

– Вам просили передать... – Он с поклоном вручил салфетку Ивану.

Иван удивленно принял сверток, развернул. В салфетке лежал его личный пистолет системы Макарова!

– Вот оно, личное оружие! – обрадованно вскричал Иван, хватая пистолет и ненароком нажимая на курок.

Грохнул выстрел. В дальнем углу ресторана с потолка посыпались осколки плафона.

– Осторожней, Иван... – проворчал разомлевший уже полковник.

Официант невозмутимо чиркнул карандашом в счете, положил бумажку перед полковником.

– Триста коньяку, огурчики, осетринка, плафон... Всего на пятьсот сорок семь тысяч шестьсот рублей.

– Но-но, ты говори да не заговаривайся! – вскричал полковник, выкладывая рядом со счетом милицейское удостоверение.

– Пардон! – официант смел листок со стола. – Ошибочка. Двадцать девять девяносто. По старым ценам.

Полковник кинул на скатерть пятидесятирублевую монетку:

– Сдачи не надо!

Глава 9

Попутчики

Самолет на Париж вылетал в одиннадцать ноль-ноль. Как всегда перед рейсом, стюардессы сошлись в кружок и гадали на ромашке:

– Угонят – не угонят, угонят – не угонят...

Подошел штурман корабля, спросил озабоченно:

– Что получается, Катюша?

Катюша оторвала последний лепесток.

– Вроде не должны угнать, Андрей Гаврилыч...

– В прошлый раз тоже хорошо нагадала, а где сели? В Пакистане вместо Копенгагена.

Напарница подтолкнула Катюшу.

– Теперь погадай на другое.

Катюша взяла новую ромашку, начала отрывать лепестки.

– Взорвут – не взорвут, взорвут – не взорвут...

– Типун тебе на язык! – не выдержал штурман и отошел.

Вместо него от столика, за которым пил кофе экипаж, отделился грузный командир корабля. Подошел к девушкам, с минуту смотрел, как Катюша шепча отрывает лепестки. Наконец последний лепесток упал на пол. Воцарилось напряженное молчание.

– Ну? – спросил командир.

– Не угонят, но взорвут, Сергей Романович, – вздохнула Катя.

– Ну, ладно... Поглядим, – помрачнел командир. – Гадалыщица из тебя... В следующий раз пускай Нестерова гадает.

А в очереди на регистрацию томились будущие попутчики, которым суждено было вместе пережить захватывающие приключения за границей.

Ольгу провожал корреспондент «НИКИ» Миша Зуйков, кругленький молодой человек в очках, прослышавший про задание «Северного курьера» и надеявшийся под это дело получить от Ольги бесплатную информацию.

– Учти, тебе нужно установить их личности до Парижа, – обшаривая очередь глазами, заговорщически шептал Миша. – Потом будет поздно. Интерпол их спрячет, концов не найдешь...

– Я подниму кампанию в прогрессивной прессе, – храбро сказала Ольга.

– А если кампания не поднимется? – резонно возразил Миша. – Тебе нужно сорвать завесу секретности. Копии материалов шли нам факсом.

– «Курьер» с меня голову снимет, – сказала Ольга.

– Я буду переписывать, мама родная не узнает. Пусть докажут, что твои материалы.

– Они и доказывать не станут. Шлепнут – и все, – сказала Ольга.

– Кого? – испугался Миша.

– Всю вашу «НИКУ».

– Нас не запугаешь! – шепотом выкрикнул Зуйков.

Он порылся в карманах и сунул Ольге в руку какой-то небольшой предмет.

– Спрячь получше. На всякий пожарный.

– Что это? – Ольга взглянула на предмет.

– Газовый баллончик. Паралайзер. Вырубает клиента на пять минут. Будь осторожна, сама не нанюхайся.

Ольга сунула баллончик за ворот, в лифчик. Зуйков с сомнением взглянул на ее пухлую грудь.

– Место ненадежное.

- Почему? – удивилась Ольга.
- Кто-нибудь нажмет случайно, если будет... ухаживать.
- Я ему случайно нажму! – пообещала Ольга. – У меня надежнее места нет.

К концу очереди подошли трое: мужчина с кудрявой черной бородкой и два художника в беретах и с этюдниками. Один был громадного роста, с волосатыми руками, а второй с тонкими аристократическими чертами лица. Зуйков подозрительно оглядел их и подергал Ольгу за рукав.

- Обрати внимание, – тихо сказал он.
- А что? – спросила она.
- По-моему, это они. Интерполовцы.
- Это же художники! – удивилась она.
- Они для конспирации и акробатами прикинутся. Проверь их.

Ольга кивнула и, как бы от нечего делать, принялась фланировать вдоль очереди, поигрывая «Минолтой» на ремешке. Проходя мимо художников, напряженно прислушивалась к их разговору.

- На плас Пигаль не ходить, – инструктировал своих подопечных Зумик.
- Плас Хуяль, – ни к селу ни к городу брякнул Федор.
- Федор! – воскликнул Зумик.
- А почему не ходить, Александр Маркович? – осведомился Максим.
- Бабы там! Первым делом – задание!

Услышав про задание, Ольга наострила уши. Ей помешал маленького росточка тщедушный человек с восторженным и слегка сумасшедшим взглядом. Ему было на вид под тридцать, взгляд выдавал новичка.

– Здесь регистрация на Париж? – с некоторым трудом выговорил он, и Ольга поняла, что он слегка навеселе.

- Да, – холодно кивнула она.
- Вы тоже летите? Замечательно! Великолепно! Меня зовут Алексей, – представился он. Ольга молчала.
- Вы в гости или в командировку? – не замечая ее холодности, продолжал Алексей.
- Я контрабандистка! – огрызнулась она.

Художники сделали каменные лица. Зумик округлил глаза и побледнел.

Ольга подмигнула им, давая понять, что пошутила. Все трое натянуто улыбнулись.

Один Алексей ничего не заметил. Он отогнул полу пиджака. Из кармана джинсов торчала початая бутылка коньяка.

– Я тоже контрабандист! – засмеялся он. – Я первый раз, вы не поверите! Невероятный случай. На форум лечу, – доверительно сообщил он Ольге.

Но тут она увидела, что подходит ее очередь, и поспешила к Зуйкову. Она метнула сумку на весы и выложила перед стюардессой билет.

- Ну, пока, Пенкина! – проговорил Зуйков и поцеловал Ольгу в щеку. – Держись там!
- Не бойсь! – Ольга шагнула за барьер, отделяющий ее от прошлой жизни.

Сразу за нею прошли еще двое – совершенно неприметные молодые люди в костюмах и при галстуках. Один потоньше и повыше, другой – крепкий и коренастый.

– Помнишь, Вадим, эта девка на брифинге нас доставала, – шепотом сказал Иван, указывая глазами на Ольгу.

– Не помнишь, а помните. Не девка, а мадемуазель, – холодно поправил Вадим. – Сколько раз вам повторять! В Европу летите!

- Фу-ты, ну-ты! – обиделся Иван.

Пассажиры подъехали на автобусе к самолету, зашли по трапу в салон и заняли свои места. Восторженный молодой человек оказался рядом с Ольгой, а художники Максим и Федор

– через проход от них в том же ряду. Прямо за Ольгой занял кресло странный тип лет шестидесяти пяти с густой копной кучерявых черных волос и хищным изогнутым носом. Он был явно чем-то недоволен, что-то непрестанно бурчал себе под нос. К животу он прижимал потрепанный портфель крокодиловой кожи.

Иван и Вадим уселись чуть позади, через три ряда.

– Добрый день, дамы и господа! – сказала стюардесса Катюша. – Наш самолет совершает рейс Санкт-Петербург – Париж. Прошу вас пристегнуться и желаю счастливого полета.

– Ну, это мы еще посмотрим! – зловеще пробормотал кучерявый тип с портфелем.

Глава 10

Бранко

Первым делом Алексей вытянул из кармана плоскую бутылку коньяка и приложился к горлышку. Ольга с неприязнью покосилась на него. Пьяниц она недолюбливала.

Он с готовностью протянул ей бутылку.

– Хотите? Помогает от волнения.

– Я не волнуюсь, – сухо сказала она.

– А я – жутко! Последний раз летал в детстве. Работа сидячая, в Публичке работаю...

Ольга демонстративно откинулась в кресле и прикрыла глаза.

– Простите... – смешался Алексей. – Я уже вам надоел. Обидно.

С горя он еще раз приложился к бутылке. Увидев это, художники Максим и Федор раскрыли этюдники, заполненные тюбиками с краской и бутылочками разбавителя. Синхронно открутили пробочки у разбавителя, отхлебнули.

Иван толкнул в бок Вадима.

– Надо было тоже прихватить...

– Вы же не пьете.

– Не пью, – с тоской сказал Иван. – А хочется. Ты не догадался взять?

Вадима передернуло.

– Иван, я прошу называть меня на «вы». Мы с вами в одном колледже не учились.

– Подумаешь! В колледже! – обиделся Иван. – Мы теперь братки, Вадим. Вместе грудь под пули подставлять придется.

– Не имею ни малейшего желания, – парировал Вадим и тоже демонстративно прикрыл глаза.

Самолет вырулил на старт, взревел моторами, понесся по взлетной полосе и наконец с усилием оторвался от земли.

Не прошло и трех минут, как кучерявый старик с портфелем оживился и жестами подзывал к себе стюардессу. Когда Катюша подошла, он щелкнул замком портфеля и извлек из него конверт, перевязанный голубой ленточкой с бантиком.

– Прошу передать командиру, – произнес он с нервным смешком.

– А что там? – спросила она.

– Любовное послание, – зловеще захихикал он.

Стюардесса пожала плечами и направилась в пилотскую кабину. А нервный старик запустил правую руку в портфель по локоть и оставил там, будто что-то держал наготове.

Катюша вошла в кабину, где командир и второй пилот, поставив корабль в автоматический режим, резались в шахматы.

– Сергей Романыч, вам письмо, – сказала стюардесса, протягивая командиру конверт.

– Что еще за письмо. Читай, – сказал командир, не отрывая взгляд от доски.

– Оно запечатано.

– Распечатай. Надеюсь, не любовное послание, – улыбнулся командир, делая ход.

Она распечатала, извлекла листок бумаги и прочла:

– «Требую изменить курс самолета и совершить посадку в городе Тирана, столице Народной республики Албания. В случае невыполнения моей просьбы угрожаю взорвать самолет имеющимся при мне взрывным устройством. С уважением, Бранко Сеницын».

– Как? – переспросил командир.

– Бранко Сеницын.

– Небось опять какой-нибудь сопляк? – задумчиво спросил командир, вертя в руке коня и не зная, на какое поле его поставить.

– Нет, пожилой... Что я вам говорила, Сергей Романыч? Взорвут по гаданию вышло – вот и взрывают!

– Помолчи. Пожилой может и взорвать... – вздохнул командир. – Пойди, объяви пассажирам, а мы подумаем.

Стюардесса покинула кабину.

– Что скажешь, Егорыч? – спросил командир заместителя.

– Чего он там потерял, в Тиране, этот мудака? По-моему, там уже все тип-топ. Демократия.

– Да не в этом дело. Как туда лететь. Ни разу же туда не летали, – задумался командир.

Щелкнуло в динамике громкоговорящей трансляции, и милый девичий голос объявил:

– Товарищи пассажиры! Дамы и господа! Наш самолет захвачен террористом Бранко Синецким. Этот паразит сидит на месте одиннадцать «бе». Прошу сохранять спокойствие и выдержку. Террорист требует посадки в городе Тирана Народной республики Албания. Экипаж воздушного лайнера прилагает усилия к устранению инцидента.

Пассажиры переваривали сообщение стюардессы, постепенно приходя в ужас. Кто-то переводил кому-то на другой язык, кто-то нервно вскочил с места, но был осажен соседом. Взоры пассажиров стягивались к креслу, где сидел, сверкая глазами, Бранко Синецкий.

Иван растолкал спящего Вадима.

– Проснитесь, товарищ капитан! Нештатная ситуевина.

– Что?! – Вадим захлопал глазами.

– Вон та гнида, – ткнул вперед пальцем Иван, – хочет угнать нас в Албанию.

Вадим пригляделся.

– Так это же Бранко Синецкий! – сказал он.

– Вы знакомы? – удивился Иван.

– Да он весь комитет затрахал своими фокусами! – сказал Вадим и поднялся с места, намереваясь подойти к террористу. – Бранко! Кончай базар! Здесь тебе не Питер! – громко обратился он к Синецкому.

– Не подходить! Взрву! – выкрикнул Бранко, еще глубже засовывая руку в портфель. – Вы мое слово знаете!

Вадим сел, пожал плечами.

– Может взорвать. Я его слово знаю.

Ольга выхватила из сумочки блокнот и обернулась к террористу.

– Ольга Пенкина, независимая молодежная пресса. Небольшое интервью для нашего издания.

Террорист подозрительно посмотрел на нее, но ничего не ответил.

– С какой целью вы намереваетесь лететь в Албанию? – продолжала Ольга.

– Там свято чтут память великого вождя, – отрывисто проговорил Бранко.

– Значит, вы сталинист?

– Я воспитан великим вождем... Не подходить! – взвизгнул Бранко, заметив, что кто-то из пассажиров сделал движение в его сторону.

– Он лично вас воспитывал? – Ольга резво строчила в блокноте.

– Моя мать вместе со мной бежала от клики Тито в Советский Союз. Это моя вторая родина. Но она забыла великого вождя...

– Как же. Его забудешь... – прокомментировал через проход Максим. – Старик, все мы воспитаны великим вождем. Но это не повод, чтобы взрывать самолеты, – задушевно обратился он к Бранко.

– Вынь руку из портфеля, падло, – еще задушевнее сказал Федор. – Своими руками кастрирую, – продолжал бывший патологоанатом.

Иван обратил внимание на говорящего. Несколько секунд он напряженно всматривался в него и наконец узнал! Не говоря ни слова, Иван выпрыгнул из кресла, одним прыжком оказался рядом с Федором и схватил того за грудки.

– Ага! Попался, сволочь!

– Ты чего? Ошалел? Чего нужно? – отбивался Федор.

– Ребята, это бандит! – звонко выкрикнул Иван на весь самолет. – Федор, да? Федор? – наседали на противника.

– Ну, Федор... – признался тот и вдруг сам узнал Середу. – Господи, Иван! Вот так встреча! – Он попытался хлопнуть Ивана по плечу, но тот ловко перехватил его руку и стал заламывать ее за спину, что было непросто, ибо руки Федора были как чугунные балки.

Бранко Синицын вскочил на ноги.

– Всем сидеть! – заверещал он.

– Да погоди, ты, отец! Не до тебя, – отмахнулся от него Федор. Он пыхтел, стараясь освободиться от мертвой милицейской хватки Ивана. – Тут... можно сказать... друзья встретились!

Максим поспешил на помощь товарищу, всадив кулак в живот Ивану, отчего тот сломался в поясе, но руки Федора не выпустил.

– Иван, советую применить каратэ! – выкрикнул со своего места Вадим.

– Хуятэ! – возразил Федор, опуская чугунный кулак свободной руки на темечко Ивану.

Вадим вздохнул, поправил галстук и тоже ввязался в схватку.

Четверо молодых мужчин, тяжело дыша, возились в узком проходе. О Бранко Синицыне как-то забыли. Он топтался рядом, растерянный, не зная, каким образом вновь вернуть внимание публики, и вдруг выхватил из портфеля руку с зажатой в кулаке лимонкой.

– За родину! За Сталина! – вскричал он, вырывая чеку и швыряя лимонку на ковровую дорожку самолета.

Пассажиры зажали уши ладонями. Ольга Пенкина невозмутимо и профессионально щелкнула «Миной». Вспышка блика озарила салон и фигуры четверых соперников, прекративших драку и с некоторым изумлением уставившихся себе под ноги, где лежала на ковре лимонка с вырванной чекой.

Секунда оцепенения прошла. Бранко нагнулся, поднял лимонку, потряс ее возле уха, как сломанный будильник, и снова шархнул об пол с криком:

– Долой оппортунизм!

Лимонка и не думала взрываться. Первым опомнился Федор. Он нагнулся и поднял лимонку своей волосатой рукой. Внимательно осмотрел ее.

– Старик, должен тебя огорчить. Пензенский завод. Ихние лимонки взрываются раз в году по обещанию.

С этими словами Федор вывернул взрыватель, спрятал в карман, а безвредную лимонку вернул поникшему Бранко.

– Держи на память. Ничего понадежнее нет?

Бранко обиженно плюхнулся в кресло, отвернулся. Противоборствующие пары вернулись к своим разборкам.

– Мужики, не будем раскачивать самолет, – предложил Федор.

– В Париже разберемся... – угрожающе произнес Иван.

Вадим поправил прическу и вернулся на свое место. Остальные тоже расселись по своим креслам и, как по команде, прикрыли глаза.

К Бранко Синицыну, тяжело переживавшему свой позор, подошла стюардесса Катюша, возвратила ему письмо.

– Мы вас не видели, вы нас не взрывали. Договорились?

Глава 11

Похищение Ольги

Париж встретил их солнечной погодой, музыкой, веселыми лицами людей разных национальностей. Один за другим пассажиры проходили таможенный досмотр.

Первым миновал таможенный зал Алексей. На выходе он был остановлен подтянутым сотрудником русского посольства.

– Господин Заблудский?

– Ну, какой я господин... – смутился Алексей. – Можно по-старому: товарищ.

– Прошу в машину. Вас ждет посол.

– Вот это да! – радостно воскликнул Алексей и проследовал в посольскую машину, сопровождаемый завистливыми взглядами попутчиков.

Ольга пристроилась к Максиму, шепнула ему:

– Я вас узнала. Не отпирайтесь.

– Классику читали? – спросил бывший литературовед.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Это почти цитата. «Вы мне писали. Не отпирайтесь». Пушкин, «Евгений Онегин», глава четвертая.

Ольга округлила глаза. Этот мент, оказывается, неплохо разбирался в литературе. А на брифинге дурака валял, городил что-то про Тома и Джерри. Конспиратор!

– Интерполовцы, да? – горячим таинственным шепотом выдохнула она в ухо Максиму.

Тот отшатнулся так, что его берет едва не слетел с головы. Ольга приняла это за признание.

– Не бойтесь, я не выдам. Вы только...

– Минуточку! – прервал ее Максим и, взяв под локоть, повлек в дальний конец зала, где маячили две характерные гангстерские фигуры в длинных белых плащах и широкополых шляпах. Это были встречавшие коллег члены местной мафии, подручные Переса.

Федор двинулся вслед с этюдниками на плечах.

Иван дернулся было за ними, но Вадим остановил его:

– Вы забыли о задании.

– Так ведь уводят девку бандиты! – заволновался Иван.

– Здесь они не бандиты, а такие же подданные России, как и мы. Пускай уводят. Не будет совать нос не в свои дела. Пойдемте, кажется, нас встречают, – Вадим указал на притулившегося на скамейке бедно одетого старика, у которого между колен было зажато древко с табличкой «Интерпол».

Они подошли к старику.

– Вы не нас часом встречаете? – обратился к старику по-русски Вадим, но тут же спохватился и попытался перейти на французский. Но старик не дал ему блеснуть.

– Вас! Вас! – радостно ответил он тоже по-русски. – Вы на стажировку в Интерпол? Иван и Вадим?

– Простите, вы русский? – подозрительно спросил Вадим.

– А то какой же! Самый натуральный. Почитай сорок пять лет здесь околачиваюсь. – Старик отставил древко в сторону, достал из папки бумаги.

Иван краем глаза следил за Ольгой и компанией бандитов, которые разговаривали в другом конце зала. Французские бандиты по очереди целовали ручку Ольге.

– Эмигрант? – неприязненно спросил старика Вадим.

– Сам ты эмигрант! – огрызнулся старик. – Заслан сюда еще Лаврентием Палычем. Был резидентом, потом раскрыли, отсидел свое за шпионаж, потом устроился в Интерполе. Наши-

то от меня открестились, а здесь стаж шел по специальности. Теперь на пенсии, работаю при них курьером. – Старик указал на табличку.

– Ну и что вы имеете нам сообщить? – надменно спросил Вадим.

Бандиты вместе с Ольгой двинулись к выходу. Все были оживлены, смеялись. Больше всех Ольга.

– Вадим, уходят! – воскликнул Иван.

Старик мельком посмотрел в ту сторону.

– Брассон и Тарден, известные личности. В случае чего я вам адресок дам. А эти с ними – ваши ребята? Подсадные?

– Подсадные, – кивнул Вадим.

– Тоже дело... Значит, Интерпол наш сейчас весь на Багамах. Ловят там кого-то. Велели вас встретить, выдать командировочные и поселить. Они там поймают кого надо, вернутся и займутся вами... Вот ведомость, распишитесь... – Старик уже шуршал франками.

Иван быстро расписался, сунул деньги в карман, не считая, и устремился за уходящими бандитами.

– Мерси, – кивнул Вадим старику и поспешил за напарником.

– А поселить? Гостиницу знаете? «Коммодор», бульвар Осман... – выкрикнул вслед старик.

– Найдем! – бросил Иван.

– Шустрые пацаны... – с нежностью произнес старик. – Наведут здесь шороху.

Напарники выскочили из здания аэровокзала. Черный лимузин, в котором сидели четыре бандита и Ольга, медленно откатывал от тротуара.

– Такси! – крикнул Иван.

– Вы с ума сошли, лейтенант! Все командировочные просадим! – прошипел Вадим.

– Человек дороже, Вадим. Я плачу, – ответил Иван.

Подкатило такси с водителем-индусом. Напарники прыгнули в машину, и такси устремилось вслед за черным лимузином.

В машине бандитов Брассон и Тарден ехали впереди, а Ольга – сзади, зажата с двух сторон Максимом и Федором. Она еще не подозревала о роковой ошибке и бойко тараторила, пытаясь склонить мнимых интерполовцев к сотрудничеству.

– ...Мне обещан еженедельный подвал в «Курьере». Вы сохраняете полное инкогнито, имена вымышлены... Скажем, один будет Максим, а второй... Федор! Годится?

Бандиты дружно поперхнулись.

– Я не прошу вас разглашать тайны. Будете мне рассказывать – чему вас учат в Интерполе, как идет стажировка... Гонорар гарантируется.

– Сколько? – спросил Федор.

– По сотне баксов за интервью.

– А сколько интервью?

– Да хоть каждый день! – расщедрилась Ольга.

Сидящий рядом с водителем Брассон обернулся и спросил по-французски:

– Мадемуазель – проститутка?

– Почти, – сказал понимавший по-французски Максим. – Она журналистка.

– Одно не мешает другому, – заметил Брассон. – Отдай ее мне. Она мне нравится.

– Да ради Бога! Бери, – сказал Максим.

Ольга обеспокоенно переводила взгляд с одного на другого. Она поняла, что речь идет о ней.

– Что он сказал? – спросила она.

– Французский товарищ предлагает тебе руку, сердце и кошелек, – перевел Максим.

– Ого! – сказала Ольга, вспомнив напутствие матери. – Мне так много не надо. Достаточно кошелька.

Максим перевел французам. Бандиты рассмеялись.

– А ты ничего! С тобой можно работать, – сказал Максим.

– Ну! О чем я говорю! – обрадовалась Ольга.

Брассон взглянул в зеркало заднего вида и заметил погоню. Он обернулся и молча указал пальцем на заднее стекло. Максим и Федор повернули головы и увидели метрах в десяти сзади напряженное лицо Ивана за лобовым стеклом такси.

– Этот мент допрыгается, – сказал Федор.

– Кто мент? – упавшим голосом спросила Ольга.

Но бандиты не ответили. Брассон молча извлек из бардачка лимузина револьвер и передал Максиму. Тот протянул оружие Федору.

– Почему я? – спросил Федор мрачно.

– А кто? Я? – изумился Максим.

Брассон протянул другой револьвер Максиму. Тот тоже передал его коллеге.

– Возьми в обе руки. С двух рук вернее.

Федор молча принял револьвер, обернулся назад и наставил оба дула через заднее стекло на Ивана. Иван погрозил ему кулаком из такси. Вадим на заднем сиденье спрятал голову за кресло.

– Стрелять не надо, – сказал Брассон. – Они игрушечные.

– Пока не стреляй, Федя, – перевел Максим. – Береги патроны. Пуляй, как поедем через мост. Пускай падают в Сену.

– Хуену... – процедил Федор сквозь зубы.

– Товарищи... – начала Ольга, но Максим прервал ее:

– Пленку! Быстро!

– Какую пленку?

– Ты фотографировала нас в самолете. Где пленка?

– В камере.

– Давай сюда!

До Пенкиной наконец дошло, с кем она имеет дело. Она открыла сумку, порылась в ней для вида и вдруг молниеносным жестомхватила из лифчика баллончик с парализером. Не дав Максиму опомниться, она прыснула газом прямо ему в лицо, в переносье. Тот закатил глаза и вырубился в одну секунду. Федор повернул голову к Ольге и тоже получил в нос струю дурмана. Уже теряя сознание от запаха газообразного наркотика, Ольга размашисто пустила газ на передние сиденья, будто опрыскивала дезинсектаем диван с клопами.

Машина потеряла управление, сбила несколько столбиков ограждения и улетела в неглубокий кювет. Такси с интерполовцами резко затормозило. Из машины выскочили Иван и Вадим. Когда они распахнули дверцу лимузина, в нос им ударил запах газа. Иван перестал дышать, извлек Ольгу из-под навалившихся на нее двух тел в бархатных куртках и беретах и бережно перенес ее в такси. Вадим на всякий случай вынул пистолеты из рук безжизненного Федора.

Такси умчалось.

Через пять минут тела начали подавать признаки жизни. Первым пришел в себя Брассон. Он оглянулся назад и увидел лишь русских коллег, обнявшихся, как братья, на заднем сиденье.

– О, мадемуазель... – простонал француз.

Глава 12

Посол недоволен

Алексея Заблудского привели в приемную русского посла и оставили ждать на канapé под гобеленом, изображавшим королевскую охоту Людовика XIV. В ногах Алексея стоял его чемодан.

Алексея мучил вопрос: зачем он понадобился послу. Вообще, его первая заграничная командировка таила в себе тьму загадок. Когда из комитета по культуре пришла разнарядка в Публичку, в которой предписывалось подобрать участника для всемирного форума работников культуры, директор библиотеки позвонил в комитет и поинтересовался у секретарши, каково содержание форума. Повестка дня, так сказать. Не нужно ли делать доклад? Секретарша недовольно ответила, что, мол, решайте сами, на повестке дня какой-то Бадди Рестлинг. Перерыли все энциклопедии, но нашли лишь рок-музыканта Бадди Холли, Бадди Рестлинга не нашли. Чтобы избежать конфуза, решили послать маленького человека Лешу Заблудского. С него и спросу нет, не доктор наук и даже не кандидат. Послушает там про Бадди, потом сделает сообщение для работников библиотеки.

Алексей не ожидал такого приема в Париже, но, с другой стороны, был доволен. Один бы он тут заблудился, несмотря на довольно сносное знание французского и еще двух языков. Наконец в приемную из кабинета посла вышел секретарь и объявил:

– Заходите. Николай Дмитриевич вас ждет... Нет-нет, чемодан оставьте.

Заблудский, робея, вошел в кабинет посла и увидел за столом крепкого мужчину с бычьей шеей, которую как-то нелепо стягивал узкий галстук. По всему видать, посол раньше был штангистом или борцом.

– Бонжур, – приветствовал посла Алексей.

Ему показалось, что с послом России во Франции уместнее всего разговаривать по-французски.

Но посол развеял его иллюзии.

– Попрошу по-нашему, – довольно сурово сказал он. – Вы администратор?

– Администратор чего?

– Группы или как там у вас? Сборной.

«Какой еще сборной?» – подумал Заблудский.

– Нет, я один. Участник форума по Бадди Рестлингу.

Посла подкинуло в кресле.

– Вы?! – вскричал он.

Он вскочил с места, оказавшись на голову выше Заблудского, и довольно резво подскочил к нему. С полминуты он внимательно изучал Алексея, а потом для верности даже ощупал.

– Кто вас посылал? – зловеще спросил он.

– Комитет по культуре, – честно ответил Заблудский.

– Почему комитет по культуре?

– Так ведь форум по культуре... – растерялся Заблудский.

– Культуре чего? – прорычал посол.

– Этого... Бадди Рестлинга.

– Боди-реслинга! – вскричал посол. – Вы хоть знаете, что это такое?

– Нет, – помотал головой Заблудский.

– А чего же едете?

– Посылают – и еду. Узнать.

– Вот и узнавайте! Я умываю руки! МИД сделал все, что мог. Если там такие осто-
лопы... – Посол вернулся на место, нажал кнопку звонка. Явился секретарь.

– Выдать деньги, поселить, указать место проведения! Пусть расхлебывают сами! Это же позорище! Чем они там думают? – в ярости гремел посол, на что секретарь лишь скорбно поджал губы. – Свободны! – закончил посол.

Это звучало как оправдательный приговор после десяти лет тюрьмы. Секретарь с Алексеем поспешно покинули кабинет.

– Вот, получите... – секретарь выдал Алексею деньги и какие-то бумаги. – Явитесь по этому адресу и зарегистрируетесь от России.

– От целой России! – ахнул Алексей.

– Можете не от целой. Можете от какой-нибудь ее части. Но желательно все же от целой, – терпеливо разъяснил секретарь. – Вам все объяснят. Языком владеете?

– Немного, – скромно сказал Алексей.

– Там и нужно немного. Адью!.. Все претензии к тем, кто вас оформлял.

– А у меня нет претензий, – простодушно сказал Алексей.

– Будут, – пообещал секретарь.

Глава 12

Дон Перес

Кабаре «Донья Исидора», названное так по имени официальной хозяйки и главной артистки кабаре, располагалось в шикарном месте, на Елисейских Полях, в сени цветущих каштанов. Площадка для парковки автомобилей пока была пуста, из кабаре доносились звуки гитар – это репетировало мексиканское трио, выпускники Ленинградской консерватории Семенов, Фриш и Левинский, готовясь к дебюту на парижских подмостках. В Париже было жарко, плюс двадцать восемь.

Фактический хозяин кабаре дон Перес де Гуэйра, он же бывший одессит Яша Чеботарь, сидел в своем кабинете, расположенном за сценой, и пил виски со льдом, развлекаясь стрельбой из пневматического пистолета по игральным картам. Пересу было уже за шестьдесят, крупные черты его красивого лица, морщины на лбу и шрам на подбородке указывали на нелегкий жизненный путь. Когда-то он был подающим надежды сталинским стипендиатом на физическом факультете Ленинградского университета, где учился вместе с Зумиком, потом открыл новую элементарную частицу, за что был исключен из комсомола и университета, а дальше... Об этом можно было написать отдельный роман, но это надолго затянуло бы настоящее повествование, поэтому зафиксируем лишь, что Перес, купивший паспорт на это имя всего три года назад, просто сидел, положив ноги на стол, и расстреливал бубнового валета, зажатого в канделябре на телевизоре Sony.

В настоящее время Перес был занят одной идеей, обещавшей ни много ни мало перевернуть мир, но, к сожалению, как и почти все идеи Якова Вениаминовича Чеботаря, подпадавшей под одну из статей Уголовного кодекса большинства цивилизованных стран. А именно, под статью об изготовлении и продаже наркотиков.

Недавно он впервые изложил свою идею в письме к другу Зумику, не прося, а буквально-таки требуя содействия, и теперь ждал его гонцов, чтобы начать акцию. Кстати, в том же письме он полемизировал со своим старым другом, прекрасно зная его многолетние настроения. Так вот, Перес заметил, что тезис Зумика о том, что Бог создал Россию для евреев, нуждается в некоторой поправке. «Бог создал евреев для России, – написал Перес в письме, – и я собираюсь доказать это на деле». Но в результате так и сяк получалось, что они созданы друг для друга, поэтому Зумик не обиделся.

Дверь кабинета с шумом распахнулась, и в комнату ввалились четверо мужчин: художники Максим и Федор и их парижские друзья Брассон и Тарден. Все четверо вели себя так, как будто были изрядно пьяны – покачивались, глупо хихикали, развязно болтали.

– Вот он! – вскричал Брассон, указывая на Переса. – Дон Перес де Гуэйра, прошу любить и жаловать.

Перес, не снимая ног со стола, невозмутимо прицелился и выстрелил. Бубновый валет получил еще одну дырку в голове. Перес отхлебнул виски.

– Боже мой, Яков Вениаминович! – Федор развел свои могучие руки и сделал два нетвердых шага к Пересу, как бы намереваясь его обнять.

– Мы с вами встречались? – задал вопрос Перес, показывая всем своим видом, что он не желает объятий.

– А то как же! В Иркутске. Я вскрывал вашего подельника, его шлепнули в перестрелке. А вы тогда получили семь лет условно.

Перес поморщился. Как видно, воспоминание было ему неприятно.

– Переменили специальность? – спросил он.

– Всего полгода. Платят мало. Жмуриков много, но перестали вскрывать. Чтобы не расстраиваться, – Федор пьяно захихикал.

– А почему вы пьяны? С какой стати? – недовольно спросил Перес.

– Хуяти! – Федор плюхнулся на диван. – Все эта чертова девка! Кто же знал, что у нее в сумочке паралайзер!

Брассон и Тарден покачивались в дверях, как водоросли. Перес сказал им что-то по-французски, и они уплыли из кабинета.

Максим промычал нечто, вполне невразумительно. Он был пьянее своего друга, поскольку получил самую сильную дозу нервно-паралитического газа, к тому же был subtilerней Федора.

– Какая девка? – продолжил разговор Перес.

– Яков Вениаминович, не стоит беспокоиться... Завтра мы ее прикончим – и все! Все!

– Ее зовут Ольга Пенкина... – выдавил из себя Максим.

В кабинет фурией ворвалась донья Исидора в одних трусиках с блестками. На ходу она застегивала лифчик. Донья только что репетировала стриптиз под аккомпанемент мексиканского трио.

– Этот мексиканский жиды мой злость! – выпалила она, плеснула себе виски и сделала глоток. – Он играет «Бесаме мучо», как хоронить оркестр. Кто есть такие тут? – спросила она, заметив Максима и Федора.

Поскольку Максим при виде доньи сразу потерял сознание, отвечал Федор.

– Мы, мым... То есть мэ, мэ... – промычал он.

– Что ты мычать, как коров! – набросилась на него донья.

– Исидора, это люди от Зумика, – мягко проговорил Перес, обнимая донью за талию.

– Почему есть пьян? – спросила Исидора.

– Какая-то девка обстреляла их баллончиком.

– Пара... лайзер, мым, – попытался объяснить Федор.

Максим пришел в себя, бессмысленно озирался по сторонам, пытаясь понять, где он находится.

– Камушки привезли? – спросил Перес.

– Так точно, Яков Вениаминович, – ответил Федор, раскрывая неверными руками этюдник.

– Забудь это имя! – грозно приказал Перес.

– Слушаюсь, господин Перес.

Федор взял один из тюбиков, оторвал нижнюю часть и выдавил краску на лист бумаги. Краска стекла, под нею обозначился бугорок.

– Бриллиант, мым, – объяснил Федор.

– Только он... фальшивый... – пьяно улыбнулся Максим.

Федор взглянул на приятеля диким взглядом.

– Ты что... – начал он, но Перес перебил:

– Я знаю, что фальшивый. Настоящие я не покупаю. Смысла нет. Сколько всего?

– Триста семьдесят два.

– Отлично. Обратно повезете товар, – сказал Перес.

– А деньги?

– Я договорился с Александром Марковичем. Плачу не деньгами, а товаром.

– Товар-деньги-товар, – вспомнилось что-то Максиму.

– А что за товар? – спросил Федор.

– Да так, фигня... Пока сказать не могу. Коммерческая тайна, – улыбнулся Перес.

– Как же мы возьмем вашу фигню, не зная – что это за товар? – развел руками Максим.

– Ладно! Берем фигню! Какую дадите. У нас никакой фигни нет, – отрубил Федор.

– О'кей, – сказал Перес. – Я вам дам сто двадцать.

Донья Исидора прислушивалась к разговору, хотя не очень понимала его смысл. Она тоже не знала, какой товар предлагает гонцам Зумика Перес.

– Чего? Штук? Метров? Килограммов? – допытывались гонцы.

– М-м... – Пересу не хотелось говорить, но он все же нехотя сказал: – Килограммов.

– Ого! Как мы это потащим? – испугался Максим.

– Своя ноша не тянет, – сказал Федор.

Тут Максим вспомнил еще об одном поручении Зумика и рассказал Пересу о двух русских агентах Интерпола. Описал приметы Ивана и Вадима, повадки: при встрече заламывать руки за спину. Перес кивал, он хорошо знал это племя ментов, насиделся в России.

– Короче, хотелось бы их того... устранить, – закончил Максим.

– Это само собой, – кивнул Перес.

– Мокрый акция? – встревожилась донья.

– Для вас – сухая, – успокоил ее Максим. – Нужна техническая помощь: оружие, взрывчатка.

– О'кей.

– А где они сейчас?

– Вот то-то и оно. Мы их потеряли, – вздохнул Максим.

– Когда они прилетели в Париж? – спросил Перес.

– Сегодня, вместе с нами.

– Значит, завтра они попрутся в Лувр. Ищите их там.

Федор хотел было образовать свою излюбленную присказку к слову Лувр, но не сумел. А может, смутило присутствие доньи.

Глава 14

В Лувре

Иван и Вадим, а также примкнувшая к ним Ольга действительно с утра направились в Лувр.

Иван не хотел: что они там потеряли? Вадим был индифферентен. Однако Ольга настаивала.

– Мы культурные люди или нет? – прямо спросила она.

Вопрос озадачил агентов. Вадим пожевал губами, считая ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы, а Иван хотел честно сказать «нет», но сообразил:

– А ведь правда, надо идти. У них там офигенная сигнализация, поди. Надо посмотреть.

И вот они уже бродили по залам, посвященным искусству итальянского Кватроченто: Вадим с видом эстета, Ольга, недовольная тем, что нельзя фотографировать, и Середа, выискивающий за каждым полотном датчик сигнализации.

Вадим остановился у полотна Боттичелли, потом отошел, прикрыл один глаз, соорудил из пальцев квадратик, что-то вычленил из картины, долго смотрел, восторженный...

Ольга потрясенно смотрела на него. Она не знала, что бывают такие офицеры ФСБ.

Внезапно Вадим зарыдал – тихо, интеллигентно, наедине с совестью.

– Вадим, Вадим... – с жалостью сказала Ольга.

– Не могу смотреть на Боттичелли без слез. Простите, – сказал Вадим. – Вообще, я хотел стать художником, но потянуло в госбезопасность. Она важнее. На данном этапе.

– Да уж, художники... – с сомнением проговорила Ольга, вспомнив Максима и Федора.

– Вы бы, Иван, больше живописью интересовались, – посоветовал Вадим лейтенанту. – Охранная сигнализация здесь в порядке, я вас уверяю.

– Да? – с вызовом спросил Середа и, оглянувшись по сторонам, снял со стены небольшую картину. Перед этим он на мгновение засунул за картину руку. – Это, по-вашему, порядок?

– Как вы это сделали? Картина не охраняется? – удивился Вадим.

– Почему не охраняется? Вот они, датчики, – указал на стену Иван. – Я их отключил. Система примитивная.

– Ванечка, вы собираетесь ее украсть? – испугалась Ольга.

– На фига она мне? Вас, гражданка Пенкина, все на провокации тянет! – укоризненно сказал Иван, вешая картину на место.

После героического освобождения Ольги она и Иван долго выясняли отношения в отеле «Коммодор». Иван укорял Ольгу не столько за позорящий его снимок, сколько за сотрудничество с мафиозным «Курьером», на деньги которого Ольга и сняла номер в «Коммодоре». Постановил впредь, до суда, называть ее гражданка Пенкина. Ольга же по широте души называла его Ванечка или Ваня. Ей всех было жаль, даже милиционеров и бандитов.

Народу в Лувре было немного. Почти сплошь из СНГ. Мимо промаршировала экскурсия русских теток во главе с экскурсоводом, тоже русской теткой.

– Слышь, Вадим, а французы в Париже есть? – спросил Иван, проводив их глазами.

– Есть. Я видела, – сказала Ольга.

– Но русских-то больше...

– Нас и должно быть больше, – сказал Вадим. – Мы – великая нация.

Все трое на секунду присмирели, ощущая себя представителями великой нации. Но дотошный Иван все же спросил:

– А чем мы великие? А, Вадим?

– Всем. Величиной. Отставить разговоры, лейтенант, – приказал старший по званию.

Иван глубоко задумался. Может быть, впервые в жизни.

Они пошли к выходу.

Когда выходили на улицу, Ольга забежала вперед, навела на агентов «Минолту» и нажала на спуск.

– Клевый кадр! Русские агенты Интерпола выходят из Лувра! – похвасталась она. – Все помню, Вадик, глазки вам на отпечатке прикрою черной полосочкой, чтобы не узнали, – поспешила она успокоить Богоявленского, увидев его недовольство.

– Да я не о том, Ольга. Это понятно... Ты нам за каждый кадр сколько обещала?

– По десять баксов на нос. Если нос есть на снимке, – сказала Ольга.

– А когда платить будешь?

– По возвращении. Сейчас у меня денег не хватит. Ты же знаешь, гостиница пятьсот франков в день, а сколько еще тут проторчим – одному Богу известно.

– И все же – запроси свое начальство. Пусть подошлют. У нас тоже деньги скоро кончатся, – сказал Вадим.

Иван слушал недовольно, сопел.

– У бандитов грязные деньги брать не буду, – наконец сказал он. – Пускай гражданка Пенкина их отмывает.

– Так я их и отмою, Ванечка! Еще как отмою! Хочешь, здесь в «Либерасьон» или в «Фигаро» напечатаем ваши фейсы? – спросила Ольга.

– Это другое дело, – проворчал Иван.

За разговором не заметили стоявших у входа в Лувр двух художников в темных очках. Они что-то малевали на холстах, установленных на этюдниках. Когда троица прошла, художники бодро свернули этюдники и устремились следом за нею.

Глава 15

Потомственный взрывник

В скором времени мафиози Максим и Федор, следя за неразлучной тройкой, дошли до бульвара Осман и увидели, что все трое скрылись в отеле «Коммодор». Максим, оставив этюдник на попечение напарника, скрылся за стеклянными дверями отеля, а Федор, положив на каждое плечо по этюднику, принялся прохаживаться по бульвару, всматриваясь в окна отеля.

Под одним из каштанов на бульваре стоял нищий старик. Перед ним лежала кепка. Старик довольно крепким еще голосом исполнял Марш юных нахимовцев.

Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет!
В мире нет другой
Родины такой.
Путь нам осеняет, словно утренний свет,
Знамя твоих побед.

Простор голубой,
Волна за кормой,
Гордо реет на мачте
Флаг отчизны родной.
Вперед мы идем,
С пути не свернем,
Потому что мы Сталина имя
В сердцах своих несем!

Федор сразу узнал в старике Бранко Синицына, но не мешал ему, слушал песню до конца. Старик пел взволнованно, в конце песни по его небритой щеке скатилась слеза.

– Дед, ты еще на свободе? – весело приветствовал его Федор, когда пение кончилось.

Бранко взгляделся в Федора и вдруг бросился на него с криком:

– Фашист! Недобиток! Не дал мне умереть достойно!

Порыв Бранко разбился о могучую грудь Федора. Тот сделал легкий вдох, распрямив торс, и Бранко отлетел на исходную позицию под каштаном. Федор положил свои руки ему на плечи и проговорил ласково:

– Бранко, умирай достойно, но в одиночку. Зачем тащить с собой еще триста человек?

– Теперь я здесь один! Нищий! Без единого франка! – кричал старик.

– Да, репертуар у тебя... – задумался Федор.

Из отеля «Коммодор» деловой походкой вышел Максим, приблизился к ним, машинально пожал руку Бранко.

– Они в семнадцатом номере. Вот окно, – указал он на окно второго этажа, которое находилось буквально над ними, вблизи каштана. – А ты что здесь делаешь, отец? – обратился он к Бранко.

– Пою, – мрачно ответил тот.

– И танцуешь? – подхватил шутку Максим.

– Нет, только пою, – не поддержал шутку Бранко.

– И много платят?

– За день – два франка.

– Не густо... – Максим оценивающе посмотрел на старика; в голову ему пришла идея. – Хочешь заработать франки и улететь в свою любимую Тирану? Хотя я лично посоветовал бы Гавану.

– Хочу, – сказал Бранко.

– Только учти, тебя там могут расстрелять.

– Пускай.

Максим вынул из кармана бумажку в сто франков, повертел перед носом старика.

– Это задаток. Выполнишь задание, получишь еще девятьсот франков.

– Какое задание? – Глаза Бранко загорелись.

– Вон за тем окном, – указал Максим вверх, – живут оппортунисты...

– Настоящие недобитки, – вставил слово Федор.

– Они опоганили великого вождя. Лимонка при тебе?

Старик с готовностью выхватил из кармана лимонку.

– погоди, не так быстро. Федя, дай ему взрыватель.

Федор протянул старику взрыватель, объяснил:

– Вот здесь сточишь надфилем два миллиметра. Тогда сработает. Понял?

Бранко радостно кивал.

– Взорвешь этих, приходи за гонораром в кабаре «Донья Исидора» на Елисейских Полях, – сказал Максим.

– Только чтобы все надежно. Понял? – веско сказал Федор.

– Я потомственный взрывник! – гордо заявил Бранко. – Мой отец взрывал фашистские составы в отряде Тито. Потом взрывал Тито...

– Не слышал что-то, чтобы он его взорвал... – заметил Максим.

– Отца расстреляли, а мы с матерью бежали в Союз...

– Ладно. Свою автобиографию напишешь следователю, – остановил старика Максим. – И гуманнее, старичок, гуманнее! Постарайся, кроме этих, никого не угробить!

– Слушаюсь, гражданин начальник! – вытянулся в струнку Бранко.

Глава 16

Специалист по Бадди Рестлингу

Настроение у Алексея Заблудского было приподнятое, несмотря на обескураживающий прием в посольстве. Денег дали по русским меркам невероятную сумму: почти миллион рублей. Во франках, разумеется. Как-нибудь разберемся с этим Бадди, думал Алексей. Не уроним чести России.

Подходя по адресу, указанному в посольстве, Заблудский испытал некоторое беспокойство. Он понял, что ему и впрямь предстоит что-то необычное. Здание представляло из себя стеклянный дворец, на фасаде которого развевались флаги. Алексей насчитал сто сорок четыре. Среди них – флаг России. Сознание того, что честь этого конкретного флага, в сущности, зависит от него одного, Алексея Заблудского, необыкновенно окрыляло.

Также на фасаде располагалась огромная афиша с изображением молодого человека в одних плавках с невероятным количеством выпирающих из всех частей тела мышц. Даже из тех, где их, по мнению Заблудского, быть не могло. «Бадди Рестлинг, – подумал Алексей. – Вот он какой. Может, он античный поэт? Или философ. На древнего грека похож».

Но Бадди Рестлинг был похож, скорее, на виноградную гроздь. Мускулы выпирали из него, как ягоды.

Алексей вошел внутрь. В фойе былолюдно. Самое интересное, что и здесь очень часто встречались люди, по комплекции схожие с Бадди Рестлингом. «Последователи», – решил Алексей и подумал, что это правильно. В человеке все должно быть прекрасно – и лицо, и одежда, и так далее – это он знал с детства, хотя у него самого прекрасными были лишь душа и мысли, а лицо и в особенности одежда – так себе.

Особенно поражали поклонницы Бадди Рестлинга – белокожие и темнокожие женщины с мускулами как у ломовых лошадей. Точнее, коней с яйцами, – так подумал Заблудский и застеснялся грубости этого сравнения.

Алексей ходил среди этих огромных фигур, как в лесу, стесняясь спросить. Наконец осмелился и поинтересовался поанглийски у величавого негра размерами с трех Отелло, где регистрация участников.

– Там, – ответил негр и показал пальцем, напоминающим копченую сардельку, на антресольный этаж холла.

Алексей поднялся туда и увидел длинный стол, за которым сидели девушки в униформе. Перед каждой стоял букетик флажков. Заблудский нашел букетик, в котором находился флажок России, и обратился к соответствующей девушке:

– Хау ду ю ду. Ай эм фром Раша. Май нэйм из Заблудский.

– Здравствуй, – с акцентом произнесла девушка по-русски. – Ты тренер, коуч? Менеджер?

Ему было приятно, что она сразу обратилась к нему на «ты». И мускулов на ней было немного, не больше, чем у Алексея.

– Я один. Элоун, – охотно объяснил он. – Участник. Партисипент.

Она порылась в списках, нашла фамилию Заблудского, после чего с нескрываемым интересом уставилась на Алексея.

– Ты участник форума боди-реслинга?

– Да, меня послали... Ознакомиться. От комитета по культуре.

– О'кей, – сказала она и принялась заполнять документы.

Алексей рассматривал сидящих неподалеку гигантов, тоже занимавшихся оформлением документов.

– Вот твоя карточка участника, намбер...

Намбер, то есть номер, был 77. Счастливый.

– Это программа. Здесь места тренировок. Можешь пойти посмотреть. – Она указала куда-то в сторону. – Конкурсный показ послезавтра.

– Показ чего? – удивился он.

– Тела. Боди.

– Чего? – пролепетал он.

– Мус-ку-ла-туры, – по складам произнесла она.

– Так у меня... Нет ее... – произнес он трагическим шепотом.

– Ай си. Я вижу. Покажешь что есть.

Алексей встал со стула и, как в бреду, направился к дверям, указанным девушкой. Там был прекрасно оборудованный тренажерный зал, где атлеты качали мышцы с неукоснительностью автоматов. Алексей застыл в дверях, наблюдая великолепную и пугающую картину блестящих тел, состоящих из узлов мышц. Он знал, что ни одной такой мышцы у него нет. И таких горделивых поз, какие принимали атлеты, ему никогда не освоить.

Так вот он каков, Бадди Рестлинг! Античный философ, мать его за ногу!

У Алексея был вид человека, пережившего жестокий удар судьбы. Одна из участниц, на голову выше Алексея, проходя мимо, улыбнулась и шлепнула Алексея по заднице. Мол, не робей, мужик.

От этого шлепка Заблудский вылетел из зала, как пушинка, и тихо-тихо, бочком покинул место форума. Уходя, оглянулся на флаг России, который гордо развевался на ветру.

Естественно, последующие три часа Заблудский надирался в каком-то дешевом ресторанчике, придумывая ослепительную месть своему начальству, комитету по культуре и отделу виз и регистрации. Пил он кальвадос, как герои Ремарка.

Когда он вышел из ресторанчика, было уже темно. Над Сеной горели огоньки домов, теплый вечер спустился на Париж, пели шансонье. Алексей размяк, тоже мурлыкал что-то. Ему стало все по фигу, а когда все по фигу – лучше не надо.

«И покажу что есть», думал он. По правде сказать, единственный достойный мускул, который мог посоперничать на международной арене, показу не подлежал. Алексей был из тех мужчин, про которых говорят «маленькое дерево в сук растет». Но и сук никаких не наблюдалось.

Он шел по набережной, напевая Высоцкого, «Все не так, ребята», и не заметил, как попал в толпу клошаров, которые, как летучие мыши, в каких-то хламах, окружили его и принялись галдеть. Он понял, что они говорят между собой, что вот, мол, еще один русский забрел на набережную.

– А кто первый? – пьяно спросил он по-французски.

Клошары увлекли его под мост, где прямо на гранитном парапете что-то обтачивал лохматый человек, окруженный клошарами. Клошары все время пытались отобрать у него надфиль, человек сердился, отпихивал их локтями и бормотал:

– Не мешайте... Вот народ! Одно слово, клошары!

– Бранко! – воскликнул Алексей и полез обниматься.

Бранко испуганно отшатнулся, но потом увидел, что это не мент и не бандит, приобнял Заблудского, похлопал по спине.

– Хочешь выпить? – спросил Алексей, показывая бутылку кальвадоса.

– Не могу. Срочное задание, – сухо ответил Бранко.

Алексей взглянул на парапет, где лежали лимонка, взрыватель и надфиль.

– Все взрываешь?... А я, брат, так влип, так влип...

Он отхлебнул из бутылки. Клошары окружили его, загалдели, указывая на бутылку.

– На всех не хватит, месье. Самому мало, – твердо заявил Алексей.

Бранко наконец сточил что надо во взрывателе, засунул его в лимонку. Клошары почтительно отступили. Бранко со вздохом сунул лимонку в карман.

– Пошли, что ли? Тебе куда? – спросил Алексей.

– Отель «Коммодор».

– И мне! – обрадовался он. – Пошли вместе. А то в этом Париже... Черт ногу сломит.

Он обнял Бранко за плечи, и они побрели куда-то в темноту по набережной Сены, провожаемые почтительными взглядами клошаров.

Глава 17

Авось образуется

Дело в Париже было вечером, делать в Париже было нечего. Ольга с друзьями играли в подкидного дурачка в номере на двоих, принадлежащем Ивану и Вадиму.

На холодильнике стоял стеклянный графин с засунутым в него кипятильником.

В графине варились три яйца.

– Тебе сдавать. – Ольга передала колоду Ивану. – Ты опять дурак.

– М-да... – задумчиво протянул Вадим.

Иван понял намек старшего группы. Мол, с таким помощником далеко не уедешь. Он потемнел лицом и принялся яростно тасовать колоду.

В углу номера работал телевизор. На экране появился диктор, принялся что-то говорить по-французски.

Ольга с надеждой посмотрела на Вадима. Но тот медлил, не переводил, хотел, чтобы его попросили.

– Вадик, ну, пожалуйста... Что говорят?

– На Багамах задержана крупная партия наркотиков, – перевел Вадим.

– Наши работают? – спросил Иван.

– Ваши, – саркастически ответил Вадим.

Иван обиделся еще пуще.

– Значит, скоро вернутся, – сделала вывод Ольга.

– Скорее бы, деньги кончаются, – сказал Вадим.

– Вы, товарищ капитан, все о деньгах... – с укоризной проговорил в пространство Иван.

– Я забочусь о группе. Группу надо чем-то кормить, – парировал капитан.

– Кстати, кипит! – Ольга указала на графин.

Иван отложил колоду, подошел к холодильнику и выдернул шнур нагревателя. Затем распахнул холодильник. Тот был набит едой и выпивкой. Иван вздохнул.

– Может, возьмем чего? Не заметят, а? – спросил он.

– Не роняйте чести офицера, Иван, – сказал капитан. – Нам не расплатиться.

– Ванечка, давай сюда яйца, давай... – Ольга уже поставила на столик блюда, резала хлеб.

Иван извлек ложкой из графина яйца, сложил их на тарелку. Партнеры, обжигаясь, принялись сдирать скорлупу.

– А-а, была не была! Угощаю! – Ольга направилась к холодильнику, широким жестом распахнула его, достала большую бутылку виски. – Надо выпить за знакомство и начало работы!

Она поставила бутылку на столик, а рядом фужеры.

Иван с готовностью разлил виски, получилось каждому ровно по фужеру.

– Вот ведь делают, и отмерять не надо! – радостно удивился Иван.

– Ну, мальчики, за успех нашего дела! – подняла фужер Ольга.

Они чокнулись, и Ольга молодецки проглотила весь фужер разом: была уже привычна, много раз ходила на презентации, где нужно успеть за считанные секунды выпить и закусить, иначе все будет сметено со стола ордой голодных журналистов.

Вадим интеллигентно отхлебнул глоток и поставил фужер на место. Иван же, глядя на Ольгу, тоже допил до дна.

Закусили яйцом, помолчали, ожидая действия шотландского напитка. И он подействовал очень скоро, так что вторая бутылка оказалась на столике ровно через десять минут, – ее достал Иван – а третья незамедлительно последовала за второй. Само собой, с тою же быстро-

той перемещались из холодильника на столик изысканные закуски: патэ разных сортов, сыры камамбер и горгонзола, селедочка в винном соусе...

Вадим недолго исполнял роль кавалергарда, вскоре он так же молодецки высасывал фужеры до дна, правда, не удержался и попытался-таки испортить настроение Ивану.

– Учтите, лейтенант, расплачиваться за все это придется вам...

– Ой, напугал! – рассмеялась Ольга.

– Ничего, авось образуется... – сказал размякший, захмелевший Иван. – А виски все-таки дрянь в сравнении с водкой.

– Так не пили бы, – заметил Вадим.

– Как же не пить... когда вот оно, полный холодильник!

Ольга закурила, положила ногу на ногу, так что ее круглые коленки невольно привлекли внимание мужчин и потребовали традиционного тоста, который офицеры выпили стоя, отведя локотки в сторону, после чего принялись лобызать Ольгу.

Тут же все перешли на «ты» и еще дальше.

Иван направился в туалет, оттуда раздавались его восхищенные восклицания: «Ну, еб твою мать! Чтоб я так жил!» Вадим же, подсев к Ольге и думая совсем недолго, направил свою тонкую аристократическую ладонь ей под юбку, за что тут же получил увесистый удар по морде. Капитан отлетел, удивленный.

– Ты чего?! – обиделся он.

– А ничего! На хуя мне это надо. Я девственница! – гордо заявила Ольга.

– Пардон... – слегка отрезвел капитан.

Иван вернулся к компании и долго пытался рассказать о том, что он увидел в туалете. Слов не хватало даже с привлечением ненормативной лексики.

Ольга вынула блокнот из сумки.

– Ша, мальчики! Хватит пиздеть. Пишем второй репортаж из Интерпола. Первое событие, то есть мое освобождение, я уже описала.

– Больше событий не было, – развел руками Иван.

– Надо изобрести событие, – сказала она.

– Можно пойти в эмигрантский клуб, – предложил Вадим. – Там много моих бывших подследственных. Будет о чем поговорить. Наверняка случатся события.

– Типа: морду набьют, – прокомментировала Ольга.

И тут из-за стены донеслось глухое и заунывное пение:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

– Наши! – воскликнул Иван.

Они повскакали с мест, причем Иван предусмотрительно прихватил с собою бутылку виски и фужеры, и гурьбою выскочили в коридор. Пение доносилось из-за двери соседнего, шестнадцатого номера. Вадим безо всяких церемоний распахнул дверь...

Посреди комнаты на ковре, поджав по-турецки ноги, сидел Алексей Заблудский и самозабвенно выпевал Есенина, прикрыв глаза.

Перед ним на ковре стояла полупустая бутылка кальвадоса и фужер.

– Алеша! – выдохнула Ольга, бросаясь к нему. – Он же летел с нами, помните? Из Публички, от комитета по культуре... – напомнила Ольга друзьям.

– Культурист, значит? – то ли пошутил, то ли всерьез спросил Иван.

Услышав это слово, Заблудский заплакал и повалился на ковер.

Его подняли, но он твердил лишь одно – «Бадди Рестлинг». Ему догадались дать виски, Алексей успокоился, обвел новых друзей печальными пьяными глазами и сказал:

- Мне-то ничего, фиг со мной. А вот Россия...
- Да объясни ты, что стряслось с Россией! – потребовала Ольга.
- Стряслось! – проговорил Алексей, и в ту же секунду где-то совсем рядом гроыхнул страшной силы взрыв. Стена гостиничного номера обвалилась, обнажив соседнюю комнату, где только что сидели Ольга, Иван и Вадим. Она была страшна – мебель переломана, в ковре выжжена дыра, холодильник вдребезги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.